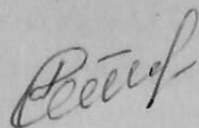

Государственный Эрмитаж

На правах рукописи

**Семенов
Григорий Львович**

**Согдийский город V–XI вв.
Формирование плана**

(по материалам Пайкенда в Бухарском оазисе и Ак-Бешима
в Семиречье)

Специальность 07. 00. 06 – археология

**Диссертация в виде научного доклада
на соискание ученой степени доктора исторических наук**

**Санкт-Петербург
2002**

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук, профессор
Доктор исторических наук, профессор
Доктор исторических наук

О.Г. Большаков
Б.Я. Ставиский
А.В. Седов

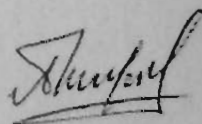
Ведущая организация: **Государственный музей Востока**

Защита состоится 15 мая 2002 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.052.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории материальной культуры РАН по адресу С.-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

С диссертацией в виде научного доклада можно ознакомиться в библиотеке Института истории материальной культуры РАН

Диссертация в виде научного доклада разослана «10» «апреля» 2002 г.

Ученый секретарь диссертационного Совета, к. и. н. **П.Е. Нехорошев**

Введение

Основу настоящей работы составляют результаты археологических исследований двух городищ: Пайкенда и Ак-Бешима. Первое из них является самым западным городом Бухарского Согда, а второе – самым восточным городом Семиречья – области согдийской колонизации. Таким образом, они представляют собой два пограничных города, где согдийская культура соприкасалась, с одной стороны, с цивилизацией сасанидского Ирана, а с другой – с Китаем и кочевым тюркским миром. Оба этих города неоднократно упоминались в письменных источниках и являлись важными политическими и культурными центрами. В этом смысле они представляются достаточными типичными для своих областей. Они являются ключевыми для исследования периода раннего средневековья, в отличие от Самарканда и Бухары, где слои этого времени скрыты многовековым наследием последующих эпох и, в свою очередь, перекрывают более древние. Пайкенд и Суяб существовали примерно в одно время с V – VI вв. до начала XI в. Эти границы позволяют, с одной стороны, выявить наследие античной эпохи, а с другой – проследить развитие согдийских городов в первые века хиджры. Вместе с эталонным памятником всей согдийской археологии – Пенджикентом, где автор много лет работал под руководством Б.И.Маршака, эти три города охватывают основные области проживания согдийцев: центральный, западный и восточный регионы.

Изучение путей формирования и развития среднеазиатского города является одной из ключевых проблем среднеазиатской археологии. Основываясь, прежде всего, на скурых данных письменных источников, концепцию развития города впервые предложил В.В. Бартольд и развил его ученик А.Ю. Якубовский. Согласно этой концепции, город первоначально развивается близ замка (кухендиза), а впоследствии первоначальный город (шахристан) обрастает торговыми предместьями (рабадами), куда в IX – X вв. переходит центр городской жизни. По А.Ю. Якубовскому, основным населением дофеодального города являлись богатые землевладельцы и крупные торговцы с их слугами. Ему возражал С.П. Толстов, который считал, что города нового типа в раннем средневековье возникают в виде торгово-ремесленного посада при замках крупных феодалов. Основной довод в пользу стихийного сложения поселения у стен замка сторонники гипотезы шахристана-посада видели в неправильной планировке средневековых шахристанов, отличающейся от прямоугольных в плане городов античности.

А.Н. Бернштам, основываясь на первых результатах раскопок в Семиречье, предложил свой вариант развития городов этого региона.

В V – VII вв. на месте городов существуют одиночные укрепленные усадьбы согдийских переселенцев, являющиеся самостоятельными хозяйствами. В период не ранее VII в. эти замки заустевают в связи с развитием поселений городского типа. Ему возражал П.Н.Кожемяко, указавший, что наличие слоев после VII в. в замках за пределами городских стен говорит против их заустения.

В.Л. Воронина писала о многообразии путей сложения средневекового города: он мог формироваться из суммы отдельных замков, при культовых ансамблях, на местах рынков и т. д.

Этапной была коллективная работа по средневековому городу Средней Азии, опубликованная в 1973 г. А.М.Беленицкий решительно выступил как против кризиса городской культуры на переходе от античности к средневековью, так и против усадебной теории застройки городов.

Археологические материалы по жилой архитектуре Пенджикента показали ее близость к жилищам сельских феодалов и резкое отличие от рядовой сельской застройки. Это позволило В.И.Распоповой выдвинуть тезис о противопоставлении города и села в Согде. Изучение же квартальной застройки Пенджикента дало возможность в некоторой степени примирить усадебную и замковые теории. Каждая из них оказалась приемлемой для Пенджикента, но для разных периодов его существования.

Отдельная группа теорий посвящена судьбе среднеазиатского города в IX – XI вв. Наиболее остро эта проблема стоит в связи с выдвинутой на основании письменных источников В.В.Бартольдом концепции, поддержанной впоследствии А.Ю.Якубовским, о заустении в IX – X вв. шахристанов старых городов и перемещении центра городской жизни в пригороды-рабады. Феодальный город, по А.Ю.Якубовскому, резко отличается от города предшествующего времени. Крепости (кухендиз) разрушаются, а если и сохраняются, то не как жилище владельца, а как арсеналы или казнохранилища, шахристаны отмирают или нивелируются с другими частями города, а центр экономической и политической жизни переходит в рабад, новую часть города, возникшую в условиях становления феодальных отношений. Эта точка зрения вызвала возражения С.П.Толстова, который считал, что она может быть отнесена только к некоторым городам Средней Азии. Материалы Хорезма, по его мнению, говорят о том, что города VIII – IX вв. развиваются как посадки или укрепленные рабады у подножия замка (Беркут-Кала), в то время как города, возникшие в X вв. и позже, не связаны с замком и состоят из одного шахристана, имеют относительно правильную регулярную планировку и производят впечатление построенных сразу по определенному плану. Вокруг шахристана иногда располагаются предместья с оборо-

нительными стенами или без них. Никаких признаков упадка шахристанов и переноса их функций на рабады в Хорезме не отмечается. М.Е.Массон полагал, что эта схема для всего феодального периода не приложима ни к одному из крупных городов Средней Азии. Для городов Чуйской долины А.Н.Бернштам, принимая в целом схему А.Ю.Якубовского, полагал все же, что в IX – X вв. жизнь городов еще сосредотачивалась в шахристанах и только с XI в. появляются торгово-ремесленные предместья-рабады. В отличие от А.Ю.Якубовского, он полагал, что с развитием рабадов стены шахристанов сохраняют свое оборонительное значение. Археологические данные, появившиеся после создания этих теорий, привлекались, в основном, только для иллюстрации этого положения. Н.Н.Негматов в монографии, посвященной государству саманидов, отмечает, что основой средневекового города редко служил шахристан, чаще он терял свое значение и город развивался рядом с ним в пределах рабада. Попытался совместить противоположные точки зрения и обычно весьма категоричный С.Г.Хмельницкий. О.Г.Большаков указал на то, что слабым местом концепции Якубовского является не триада кухендиз-шахристан-рабад, вокруг которой ведутся все споры, а недостаточная изученность социально-экономического строя города X – XII вв. Он же отметил, что письменные источники по истории развития городов Средней Азии почти все изучаются и используются в течение десятилетий и единственный поставщик новых сведений – археология.

В задачу настоящей работы входит сравнение возникновения и развития раннесредневековых городов основных областей Согда, выделение общих черт и особенностей их развития. Основными направлениями исследования являются изучения роли отдельных факторов в становлении и развитии согдийских городов. К ним относятся местоположение городов на центральных торговых магистралях, роль замков, святыниц, базаров в формировании плана, сравнение жилой планировки городов разных областей в городе и вне его, развитие составных частей города и их судьба в период, следующий после арабского завоевания.

І. Пайкенд.

Город находился на большой хорасанской дороге, идущей от Амударьи через Бухару на Самарканд. От него на запад начиналась песчаная пустыня в 12 фарсахов. В исторической традиции, сохранившейся в труде Наршахи, Пайкенд считается древнее Бухары и резиденцией правителей области. О ранних периодах истории города Наршахи приводит историю о «тирании Абруя», в которой видят отражение борьбы эфталитов с тюрками (Толстов), либо городской общины с княжеской властью (Маршак). В начале VIII в. Пайкенд играл важную роль при завое-

вании арабами Мавераннахра. В IX – X вв. город являлся личным владением Саманидов. Источники этого времени описывают город с цитаделью, имеющей один вход, два базара, один в городе (цитадели) и один в рабаде. Соборная мечеть славилась своим михрабом, украшенным драгоценными камнями. Вокруг Пайкенда находились рабаты, где собирались газии воевать с неверными – кочевниками из степи. К XII в. город находился, видимо, в запустении, потому что Арслан-хан принимает неудачную попытку его возрождения. В источниках второй половины XII в. Пайкенд описывается лежащим в развалинах, на которых живут несколько туркменских семей (Самтани).

Кроме исторической существует и легендарная история города, отраженная в Шахнаме. В ней основание города приписывается Кей-Хосрову, который построил в Пайкенде храм огня, а сам город отождествлялся с легендарной «медной крепостью».

История археологического изучения Пайкенда.

В истории изучения города выделяется несколько периодов:

1913 – 1914 гг. Весной 1913 г. Л.А.Зимин по поручению В.В.Бартольда в первый раз посетил Пайкенд. Им была сделана глазомерная съемка плана городища, описаны остатки городских стен и стен цитадели. К отчетам Л.А.Зимин присовокупил и достаточно полную сводку арабских и персидских авторов о Пайкенде. В 1914 г. Л.А.Зимин дважды побывал в Пайкенде (весной и осенью), где им было заложено несколько шурфов в разных частях города. Главные раскопки были сосредоточены в центре городища, где на площади 22 x 20,5 м было раскопано несколько зданий, первоначально принятых им за единое сооружение, возможно тюрьму. Впоследствии он отказался от этой интерпретации и пришел к выводу, что раскопки затронули несколько зданий, стоящих вплотную друг к другу и являющихся частными домами рядовых обитателей. Во время своей третьей поездки он отметил наличие внутренней стены шахристана, разделяющей его на внутренний и внешний. С точки зрения топографии города он попытался объяснить сообщение Табари о взятии в 674 г. Убейдуллахом ибн Зиядом половины Пайкенда, считая ее незащищенный стенами городской рабад. Собственно раскопки в центре городища затронули верхние слои саманидского и каранидского времени.

Работы Л.А.Зимины отличаются подробность и добросовестность, но отсутствие специальной археологической подготовки и навыков раскопок сырцово-кирпичной архитектуры сказалось на их уровне, что неоднократно отмечалось последующими исследователями. Тем не менее результаты работ, в особенности сводка письменных источников о городе и фотографии к отчету, долгие годы служили важным источником по истории города.

1939 – 1956 гг. Следующий этап в истории археологического исследования города связан с экспедицией 1939 – 1940 гг. под руководством А.Ю. Якубовского. Сотрудниками этой экспедиции В.А. Шишкиным и М.М. Дьяконовым был снят новый глазомерный план городища, где отмечены места предполагаемых ворот и башен городской стены. Было заложено несколько шурфов в разных частях города: шурф на шахристане I прорезал свиту слоев мощностью 3,5 м, небольшой раскоп у южной стены открыл комплекс керамики с зеленой поливой, связанным с находившейся рядом печью. Шурф верхних наслоений на цитадели показал, что последний период ее обживания относится к XV в. А.Ю.Якубовский высказал предположение, что цитадель, шахристан и рабад не только отдельные, но и разновременные части Пайкенда. В результате изучения исторической топографии города он предположил, что в 674 г. Убейдуллах б. Зияд взял только западную часть шахристана, отгороженную отдельной стеной. На этом основании он сделал вывод о возникновении ее еще до конца VII в. Опубликованные материалы касались, в основном, керамики саманидского и караханидского времени.

В 1940 г. В.Н.Кесаев продолжил работы на городище, раскопав верхние слои холма, где, как он полагал, мог находиться храм огня. В раскоп попали, однако, только части нескольких помещений IX – X вв. Интерес представляет описание цепи наусов к востоку от цитадели.

В 1954 г в окрестностях Пайкенда работал отряд Института истории и археологии АН УзССР, в состав которого входили Г.В.Шишкина и С.Н.Юренев. Был исследован некрополь с оссуарными погребениями, отмеченный еще В.Н.Кесаевым. В 1956 г отряд раскапывал замок Бад-Асия к северо-востоку от городища.

Отдельно следует отметить изучение водоснабжения города в работах Я.Г.Гулямова и А.Р.Мухамеджанова.

Исследования 1913 – 1914 и 1939 – 1940 гг. носили, по преимуществу, разведочный характер. Небольшими по размерам раскопами и расчистками был вскрыт только верхний слой городища. Тем не менее полученный материал нашел отражение в ряде обобщающих работ по истории Средней Азии. Ранние периоды жизни города были отражены только в подъемном нумизматическом материале с городища.

1981 – по настоящее время. С 1981 г. в Пайкенде возобновила работу совместная экспедиция Государственного Эрмитажа и Института археологии РУз. В 1983 – 1985 гг. в работе экспедиции принимал участие ГМИНВ. В 1985г была издана коллективная монография, где подводились итоги первых пяти лет раскопок. За этот период были сделаны стратиграфические шурфы во всех частях городища и создана стратиграфическая колонка керамики (Ш.Т.Адылов). Практически одновремен-

но начались и работы по изучению городских стен. После создания единой периодизации укреплений составных частей города было выделено четыре основных периода:

1. III – II вв. до н.э. – IV – V в. Существовало только укрепленное поселение на месте цитадели.

2. V – начало VI в. Был обнесен стенами участок к западу от цитадели и возник шахристан I.

3. Конец V – VI в.). В результате территориального роста города появляется еще один шахристан.

4. Конец VIII – X в. Обживание территории за пределами стен шахристана. Появление рабатов и рабадов.

Работы 1981 – 2001 гг. позволили получить материал для характеристики сложения отдельных частей города.

Цитадель (рис. 2,1).

Раскопки цитадели позволили выявить основные этапы ее сложения и функционирования. Наиболее ранние слои относятся к III – II вв. до н.э. Самыми ранними из открытых сооружений является комплекс здания, определяемого как святилище. Он состоял из двух центральных помещений, окруженных шестью коридорами. В каждом из помещений имелось по три прохода и прямоугольный подиум в центре. Его фасадные стены на исследованном участке в первые века н.э. являлись одновременно и внешними стенами всего укрепления. Они стоят на наклонном стилобате, скрывающем, возможно, еще более ранние конструкции. В III – IV вв. н.э. вдоль северного и западного фасадов укрепления возводят оборонительную стену, состоящую из квадратных в плане башен и куртин со стреловидными бойницами на втором этаже. В IV – V вв. цитадель расширяется на восток, одновременно к востоку от святилища возникает дворцовый комплекс. Он состоял из зала, айвана и двора, расположенных на одной оси. Два прохода связывали большой двор с еще двумя, расположенными западнее. В VI – VII вв. к продолжающим использоваться дворцовому и культовому комплексам с запада пристраивается административный квартал, а с востока помещение сокровищницы. На трех участках цитадели открыты сгоревшие в пожаре помещения, которые можно было бы связать с разрушением города арабами в 706 г. В одном из них были обнаружены остатки арсенала с древним оружием. В IX – X вв. продолжает использоваться дворцовый комплекс и, частично, комплекс святилища, а также обживается территория перед его южным фасадом. В западной части цитадели в это время возводят минарет и, возможно, примыкающую к нему соборную мечеть. К этому же времени относятся и последние ремонты крепостной стены цитадели в С-В углу.

Шахристан (рис. 1).

Шахристан города внутренней стеной разделен на две части: восточную (шахристан I) и западную (шахристан II). Восточная часть возникла в конце V – VI в., а западная – в VI – VII вв. Территория внутри крепостных стен сетью улиц была разбита на кварталы. При этом для южной части шахристана II установлено, что улица, как и крепостные стены старше, чем жилая застройка вдоль стен, стоящая на материке. В С-З части шахристана I открыт значительный отрезок уличной сети, рассекающие площадь города на длинные и узкие кварталы (22 – 25 x 84 м). При этом все открытые перекрестки имели Т-образную форму. Исследованные отрезки улиц показывают преобладание основной уличной сети с VI – по XI в. Исключение составляет северная стена шахристана II, где в IX – X вв. изменилась ориентация жилой застройки. Если в ранний период стены жилых домов были параллельны остальным постройкам в городе, то в саманидский период они ориентировались на скошенную в плане северную стену шахристана.

В центре города на пересечении двух магистральных улиц было открыто здание с аптекой конца VIII в. В начале XI в. там находился небольшой базар с лавками лепешечников.

Ранняя застройка в городе скрыта перестройками исламского времени. Перед ее изучением приходится сначала раскопать верхние слои. При этом часть спущенных сверху стен и фундаменты часто разрушают раннюю застройку. В настоящее время полностью раскопан один жилой дом в квартале на шахристане I, часть жилой застройки в этом же квартале и на площадке около цитадели (рис. 2,2).

Раскопанный на шахристане I жилой дом с трех сторон (с востока, севера и юга) ограничен улицами, а с запада глухой стеной следующего дома. Общая полезная площадь всех помещений составляет 218 м². При этом общая площадь дома составляет 20 x 17,5 = 350 м². Это означает, что полезная площадь составляет 62% площади всего дома, а на стены приходится 38% площади (рис. 2,4).

В I строительном периоде домовладение было единым домом. В нем выделяется парадная часть с большим залом, жилые помещения с суфами и подиумом в центре (не меньше двух, а с учетом Ю-3 сектора, скорее три) и кладовая. Два изолированных блока с отдельными входами, относящиеся к этому же домовладению, могли быть лавками или сдаваться в аренду под жилье. Во II строительный период происходит деление дома на две части, каждая площадью около 100 м². Слой пожара, который прокалил стены и полы в северной части дома, совершенно не коснулся его южной части. Следовательно, разделение дома на две части произошло еще до пожара. В III строительном периоде происходит

дальнейшее дробление домовладения. Отделяется ю-з сектор в виде отдельного дома с выходом на юг. Он состоит из двух почти одинаковых помещений с суфами по всем сторонам и подиумом в центре. Помещения соединялись между собой при помощи узкого коридора, в торце которого был вкопан хум, а с другой стороны был устроен лестничный проход на улицу. Площадь помещений дома составляет $21+15+10=46\text{ м}^2$, что составляет примерно половину площади дома второго периода и четверть площади первоначального дома.

На этом строительная история дома не заканчивается. Отмечены стены, перегораживающие площадь зала на три помещения, видимо, там возникает отдельный дом с ташнау и кубурной линией. Стены, изменяющие первоначальную планировку, отмечены и в доме 1. К последнему периоду жизни дома относится постройка мечети в Ю-В части дома и трех лавок к северу от нее. Перестройки между III и последним периодом сохранились слишком фрагментарно, чтоб судить об изменениях планировки. Налицо, однако, тенденция к дальнейшему дроблению площади в С-З секторе и сохранение площади сложившейся к III периоду в остальных трех частях. В результате из единого дома с жилой площадью более 200 м^2 получилось четыре отдельных дома с примерно одинаковой площадью около 50 м^2 каждый.

После арабского завоевания характер жилой застройки стал другим. Неизменной оставалась сплошная квартальная застройка и примерно одинаковая площадь рядового жилища. В настоящее время раскопано 15 жилищ саманидского и начала караханидского периодов.

Наибольший интерес в планировочном решении вызывает блок городских жилищ, пристроенных к южной крепостной стене Шахристана-II, где была открыта часть квартала $85\times 30\text{ м}$ (И.К.Малкиель). В площадь раскопа попали девять домов (рис.2,3).

Жилища, прямоугольные в плане (размеры $17 - 18\times 5\text{ м}$), состоят из трех – восьми помещений. Совпадение размеров домов, позволяет говорить о регулярной и, вероятно, единовременной разбивке этой части шахристана на участки под застройку, где модулем был размер дома. Его ширина обусловлена длиной балок перекрытия, а длина ограничена крепостной стеной с одной стороны и уличной трассой с другой.

В анфиладной планировке этих домов используется система длинных коридоров, соединяющих помещения между собой и с выходом на улицу. Примерно половина раскопанных домовладений включала небольшой изолированный блок из одного-двух помещений площадью от 12 до 32 м^2 с отдельным выходом на улицу. Основное жилище имело общую жилую площадь от 60 до 70 (один 80) м^2 .

Выбивается из стандартной планировки большой дом 3 (17x10м) жилой площадью 144 м², занимающий площадь двух обычных домов и состоящий из 14 помещений. Особняком стоит домовладение 9 общей площадью 450 м² (26,5x17 м) в пять раз больше площади обычного дома. Оно состоит из двух похожих по планировке домов и отдельного блока с тандырами. В каждом доме есть большой двор и парадное помещение с двумя колоннами и подиумом. Это либо два богатых дома, каждый по площади равен большому дому, принадлежащие одному домовладельцу, либо общественное сооружение.

Иногда удается определить назначение отдельных помещений в доме. Жилая комната с суфами обычно находилась в противоположной от входа части около крепостной стены. В некоторых домах имелась небольшая комната, украшенная резными ганчевыми панелями с геометрическим, растительным и зооморфным орнаментом. Кухни и хозяйственные помещения находились или в центральной части жилища или ближе к выходу. При входе с улицы, по соседству с коридором устраивали прихожую или вестибюль.

Иногда помещения меняли свое первоначальное назначение: например, переносили кухню в гостиную, а в гостиной, наоборот, устанавливали тандыры.

Раскопанные дома принадлежали горожанам среднего достатка, связанным с ремеслом. Из 10 раскопанных домов (9 домовладений) в квартале III-I семь принадлежали рядовому населению, а три зажиточному, что составляет 22%. О существовании в городе знати говорит, например, надпись на хуме с именем Нух Утби. Члены этой семьи в разное время занимали важные должности при дворе Саманидов в Бухаре.

В отличие от раннесредневекового периода в домах X – XI вв. нигде не засвидетельствованы «захваты» или раздел территории соседних домов. Дом 2 раскопан до материка, но на протяжении всей его истории за 250 лет, он продолжал оставаться в пределах одного участка земли (пятна застройки). Изменения касались, видимо, отдельных блоков с выходами на улицу: их первоначально сдавали в аренду под жилье или лавки, но в отдельные периоды могли присоединять к основному дому. Поэтому иногда мы видим в них два прохода: на улицу и вовнутрь дома.

Рабаты.

За пределами крепостных стен к востоку от цитадели была зафиксированы группа из 20 холмов, располагавшихся по обеим сторонам дороги из Пайкенда в Бухару. После раскопок одного из них (Дж. Мирза-ахмедов) выяснилось, что это квадратная в плане постройка 75x75 м, усиленная квадратными башнями углам. В центре находился двор, вокруг которого по периметру располагались одно- и трехкомнатные сек-

ции, а также хранилища. Раскопанное здание, по всей видимости, является одним из знаменитых рабатов Пайкенда, каждый из которых был выстроен и содержался одним из селений Бухары. Зимой, когда кочевники угрожали границам оазиса, в рабатах собирались газии для отражения их набегов.

Кроме рабатов к востоку от стен шахристана открыты остатки квартала керамистов. Его протяженность составляла не менее 50 м. Он характеризуется наличием гончарных печей и керамического брака и шлаков, а также несколькими помещениями IX – X вв. из сырцового и жженого кирпича.

Археологические данные по истории формирования города еще предстоит дополнить, однако попытаемся предложить интерпретацию уже имеющегося материала.

Святылище и дворец – два самых ранних известных сооружения, возникли еще до появления собственно города-шахристана. Заманчиво сопоставить эти данные с легендарной историей Пайкенда, отраженной в Шахнаме. Согласно Фирдоуси, Афрасиаб остановился в Пайкенде, где его предок Кей-Хосров воздвиг храм огня. Догородской Пайкенд в любом случае выглядит скорее как резиденция возле святылища, чем как сельское поселение на месте будущей цитадели. К моменту образования города размеры обнесенной стенами резиденции составляли 90х90м.

Где-то между серединой – концом V – началом VI в. к западу от цитадели возникает шахристан I площадью 7 га, к которому довольно скоро с запада пристраивается шахристан II, площадью 13 га. Площадь города была сетью улиц разбита на кварталы. На западном шахристане участки вдоль стен до конца VIII в. еще оставались незастроенными. Застройка города была одноэтажной, квартальной. В конце VIII в. в центре города возникает здание типа поздних торговых куполов, одно из помещений которого занимала аптека.

До IX в. за пределами стен шахристана известно только оссуарные кладбища. С этого времени по обеим сторонам дороги на Бухару возникают рабаты, играющие, возможно, одновременно и функцию караван-сараев. Культурный слой рабада не сплошной, что видимо, соответствует и типу заселения этой части города. Шахристан, наоборот, в IX – начале XI в. был застроен сплошь. На цитадели продолжает функционировать дворцовый комплекс, застраиваются дворы святылища, а в западной половине возникает соборная мечеть с минаретом. Слабое обживание в XII в. и керамика XV в. отмечены только на цитадели, когда город уже не существовал.

II. Ак-Бешим (Суяб).

Городище расположено в 60 км восточнее современного Бишкека. Состоит из цитадели в юго-западном углу размерами 30х30 м, прямоугольного шахристана 400х600х500х700 м общей площадью около 35 га. В середине шахристана возвышается прямоугольник, примыкающий к его южной стене. К восточной стене шахристана примыкает еще одна часть города в виде неправильного пятиугольника площадью свыше 60 га, в центре которого находится укрепление (турткуль) 200х300 м. Эта часть города по мнению Л.Р.Кызласова является рабадом, а по П.Н.Кожемяко, также шахристаном, но возникшим в более позднее время, чем центральная часть. С трех сторон городище окружает длинный вал общей протяженностью около 11 км. К первому валу в юго-восточной, юго-западной и северо-западной части примыкают отрезки еще одного длинного вала, не прослеженного полностью (рис.2,7).

Письменные источники о Суябе.

На русском языке сведения источников о Суябе приводились В.В.Бартольд, опиравшемся на работу Э. Шавана. Отдельную работу с выдержками из китайских источников посвятил Суябу Зуев, а затем Г.Клусон и А.Форте. Последняя работа по истории Суяба по китайским источникам принадлежит Е.И. Лубо-Лесниченко.

Впервые Суяб упоминается в записках китайского паломника Сюань-цзана, посетившего город в 629 г. В это время Семиречье находилось под властью тюркского кагана, ставка которого была недалеко от города. Сюань-цзян сообщает: «Этот город в окружности 6 – 7 ли. В нем смешанно живут торговцы разных стран и хусцы (согдийцы). С 658 г. Суяб с перерывами был китайской резиденцией и одним из “четырёх гарнизонов” наряду с Кучей, Кашгаром и Хотаном. Позднее в Семиречье на смену западным тюркам приходят тюргеши, каган которых Сулу получил от императора титул и в 719 г. освободил Суяб от китайского гарнизона. После убийства Сулу в 738 г. китайцы снова завоевывают город. Около 766 г. карлуки захватывают Суяб и область, а с 787 г. китайцы полностью теряют контроль над четырьмя гарнизонами и прекращаются данные китайских источников об этом городе».

Мусульманские географы сообщают о Суябе немного. Худуд ал-'алам, анонимный персидский географический труд, законченный в 983 г., сообщает о Суябе, как о городе с 20 000 населения.

История археологического исследования Ак-Бешима.

Основные направления исследования городища заложил В.В.Бартольд, посетивший Ак-Бешим в 1894 г. Им было высказано осторожное предположение, что это городище может быть отождествлено со столицей караханидов Баласагуном, известным по письменным источникам.

Первый план городища был выполнен М.Е.Массоном, побывавшим на Ак-Бешиме в 1927 г. Через два года план турткуля опубликовал А.И.Тереножкин. С 1933 г. исследованием городов Чуйской долины начал заниматься А.Н.Бернштам. Археологические раскопки городища начались с 1938 г. в рамках Семиреченской археологической экспедиции ИИМК. А.Н.Бернштамом были выделены основные части города, на шахристане у подножия цитадели он заложил два шурфа, открывшие завалы строительного мусора, еще один шурф был заложен им на холме к югу от стен шахристана. Основные работы были сосредоточены на пристройке к шахристану с востока, названной им «киданьским кварталом». А.Н.Бернштам значительно более категорично высказался за отождествление Ак-Бешима с Баласагуном. Им же была предложена первая гипотеза о территориальном развитии города. Эта схема, основывающаяся кроме раскопок Ак-Бешима на материалах Красной Речки, сводилась к следующему:

В V – VII вв. на месте города были одиночные укрепленные усадьбы (кешки) согдийских переселенцев, которые являлись почти самостоятельными хозяйствами. В период не ранее VII в. эти кешки опустели в связи с развитием поселением городского типа. Расцвет города приходится на IX – X вв., восточная пристройка относится ко времени киданей.

В 1953 г. была создана Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР и АН Кирг. ССР, в состав которой входил Чуйский археологический отряд под руководством Л.Р.Кызласова. Если в начале работ Л.Р.Кызласов принял отождествление Ак-Бешим – Баласагун, то впоследствии, на основании полученных материалов он пришел к выводу, что город прекратил свое существование в X в. и не мог быть Баласагуном – столицей Караханидов XI – XII вв. и просуществовавшим, согласно письменным источникам, до XIV в. Вместе с тем он воздержался от отождествления городища с каким-либо другим городом. Работающим в составе отряде П.Н.Кожемяко была сделана глазомерная съемка плана городища, послужившая основой для выделения основных частей города.

Раскопки проводились на пяти объектах, из которых четыре находились за пределами стен шахристана. В центре шахристана был заложен стратиграфический раскоп 14 x 6 м, который прорезал всю толщу культурных слоев мощностью 7,5 м. К югу от стен шахристана был раскопан буддийский храм конца VII – начала VIII вв. К западу от стен шахристана был раскопан погребальный комплекс VII – VIII вв. На территории рабада в 165 м к востоку от стен шахристана, была раскопана христианская церковь с кладбищем VIII в. Недалеко от Ю-3 стены рабада был расчищен прямоугольный стилобат 15x10 м и высотой до 2,5 м, который Кызласов определил как остатки замка (объект 5).

Работы отряда под руководством Л.Р. Кызласова были проведены на самом высоком для того времени методическом уровне и послужили фактической основой для реконструкции истории не только Ак-Бешима, но и всего региона. К сожалению, автор не выполнил обещания публикации всего материала раскопок, ограничившись публикацией «предварительных данных об исследованных памятниках». Единственная работа, основанная на анализе материала раскопок, была посвящена керамическому материалу (В.И.Распопова).

В 1955 – 1958 гг. Ак-Бешимский отряд под руководством Л.П.Зяблина раскопал второй буддийский храм, находящийся в 250 м восточнее первого и в 100 м южнее стены шахристана.

В своей книге, посвященной городам Чуйской долины, вышедшей в 1959 г., П.Н.Кожемяко изложил свое понимание топографии Ак-Бешима. Особое внимание им было уделено описанию остатков длинных валов вокруг городища. Он критикует описание топографии А.Н.Бернштама, который принял вал за остатки ирригационного сооружения, а возникновения восточной пристройки относил к XII в. Он также считал неверным определение восточной пристройки Л.Р.Кызласовым как малозастроенного рабада. Он полагал, что жители этой части города сочетали занятия ремеслом с сельским хозяйством. Поэтому, по П.Н.Кожемяко, это не рабад (в смысле торгово-ремесленное предместье). Он считал также, что гипотеза А.Н.Бернштама о первоначальных замках, запустевших к VII в., нуждается в уточнении, так как на остатках ранних построек за пределами шахристана прослежены следы их последующего обживания.

Раскопки 1996 – 1998 гг.

В 1996 г. между Государственным Эрмитажем и Институтом Истории НАН Кыргызстана был заключен договор о совместных раскопках городища Ак-Бешим. Работы велись на трех объектах, охватывающих основные части города: на цитадели, в центре шахристана и в Ю-В углу шахристана. В результате работ появились новые данные для характеристики сложения и развития древнего Суяба.

Цитадель (рис.2,8).

На цитадели исследовались оборонительные сооружения и жилая застройка. В результате строительная история оборонительных стен цитадели выглядит следующим образом:

К первому строительному периоду относится С-З угол города со встроенной в него изнутри цитаделью. Укрепления состоят из пахсовых стен толщиной наверху 3,5 м и расширяющихся к основанию. Снаружи угол стен был усилен овальной каплевидной в плане башней, сложенной в перевязку со стенами. Башня и стена представляют собой

монолит пахсовой кладки. Во втором строительный период снаружи перед стенами и башней пристраивают кладку из массивных пахсовых блоков, иногда в сочетании с галечными просыпками между рядами пахсы и горизонтальными рядами кирпичной кладки толщиной в основании 6,5 м.

Жилая застройка.

В настоящее время можно выделить несколько строительных периодов и в жилой застройке цитадели. К самому раннему из открытых относится часть сводчатого помещения, встроенного в Ю-З угол городских стен. К последнему периоду отнесено верхнее здание цитадели с четырьмя айванами, открывающимися во внутренний двор. Здание было, вероятно, квадратное в плане 21,5х21,5 м, окруженное по периметру двумя рядами помещений. Первый строительный период жилой застройки по керамике с пола сводчатого помещения датируется второй половиной VII – VIII в, а четвертый – X – началом XI в. Ранняя городская стена с башней оказывается более древней, чем открытая жилая застройка и по аналогии с укреплениями Согда может быть отнесена к VI – VII вв.

Объект VIII (церковный комплекс).

С 1997 г. начаты раскопки в Ю-В углу городища, где П.Н.Кожемяко предполагал остатки сооружения дворцового типа.

В результате раскопок выяснилось, что в этой части города находилось монументальное сооружение из сырцового кирпича и пахсы размерами 60х46 м (рис.2,9). Комплекс состоял из трех или четырех частей. Каждая часть, в свою очередь, подразделялась на вытянутое с востока на запад помещение длиной 25 м (в одном случае возможно двор), к которому с востока примыкало квадратное в плане помещение (5х5 м) с нишами и алтарем. Вдоль восточного фасада здания между алтарными помещениями имелся ряд дополнительных комнат. Длинные коридоры, возможно, окружали здание с трех сторон, а также разделяли его составные части. Насколько можно судить комплекс был построен не сразу, а в три этапа.

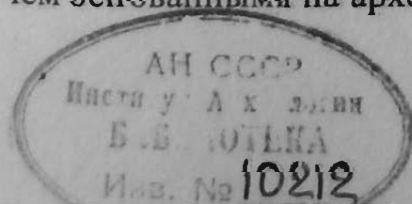
Большая часть помещений была некогда украшена живописью, от которой сохранились только незначительные фрагменты орнамента и, возможно, деталей одежды. В одном случае поверх красочного слоя находилась золотая фольга. Среди находок следует отметить несколько глиняных оттисков с изображением несторианских крестов и один натальный нефритовый крест. Отдельную группу составляют памятники письменности. На полу одного из помещений были обнаружены остатки переплета и несколько страниц рукописной книги. На венчике одного из хумов была согдийская дарственная надпись (В.А. Лившиц), а на

обороте глиняной плакетки с крестом — сиро-тюркская. Несколько фрагментов уйгурских или согдийских надписей было открыто на штукатурке с росписями.

Аналогии плана открытого комплекса и находки показывают, что здание было комплексом церквей, вероятно несторианских. Керамика и монеты с полов здания позволяют датировать его сравнительно коротким отрезком времени X — начала XI в.

Топография Суяба.

Как отметил еще Л.Р. Кызласов, планировка города типична для средневекового среднеазиатского города. Рассмотрим имеющиеся данные для датировки отдельных частей. Начнем с так называемого рабада-пристройки в Ю-В части города. Если для А.Н.Бернштама возникновение этой части города было связано с XI — XII в., как новой части средневекового Баласагуна, то Л.Р.Кызласов считал его малозастроенным рабадом, видимо, относя его возведение к IX — X вв. Ему возражал П.Н. Кожемяко, считавший, в частности, что наличие христианской церкви VIII в. на территории этой части, как и материалы Бернштама VII — VIII вв. говорят против возникновения этой части только в XII в. Наиболее радикально удревняют эту часть В.Д.Горячева и С.Я.Перегудова. Они связывают эту пристройку с событиями 679 г., когда, согласно танской хронике, китайский наместник западного края Ван Фанъи «укрепил Суяб крепостной стеной, устроил с четырех сторон двенадцать входов для лавирования, тайного появления и исчезновения. За пятьдесят дней завершил (строительство)». Далее авторы приводят описание стен Суяба Сюань-цзяном, где он определяет периметр стен города 6 — 7 ли и считают, что это описание соответствует длине стен шахристана и наместник мог построить только западную пристройку. Авторы исходят из длины 1,9 ли в 1 км и получают периметр 2,9 — 3,2 км, в то время как периметр шахристана 2, 2 км. О.Г.Большаков отметил, что, судя по дорожнику, ли у Сюань-цзяна составляет около одной трети км. По этому расчету периметр Суяба у Сюань-цзяна составляет 1,9 — 2,33 км, что полностью соответствует периметру шахристана Ак-Бешима. Если датировка самой поздней части колеблется от VII до XII в., то, соответственно, также неопределенна и датировка остальных частей. В центре шахристана шурфы показали наличие слоев с V — VI по X в. включительно. Новые раскопки на Ак-Бешиме пока дали относительно мало материала для его исторической топографии. Необходимо исследование крепостных стен и датировка стен, окружающих отдельные части города. Поэтому и сделанные выводы представляются пока скорее логическими, чем основанными на археологическом материале.

На цитадели города открытые сооружения относятся ко времени не ранее VII в. По сравнению с цитаделями таких согдийских городов, как Пенджикент и Пайкенд бросаются в глаза весьма скромные ее размеры. Нет никаких данных, позволяющих утверждать, что цитадель возникла ранее шахристана. Это, видимо, и объясняет в первую очередь ее размеры: в согдийской метрополии до того, как стать городскими цитаделями они являлись укрепленными поселениями с соответствующей структурой. Здесь же цитадель возникает одновременно с городом как его структурная часть. В последний период своего существования это было единое здание дворцового типа, стоящее на высокой платформе. Второе наблюдение касается собственно шахристана. В его центре, примыкая к южной стене, явно выделяется прямоугольник около 300х300 м. Эта территория площадью около 9 га вполне может быть первоначальным городом. В таком случае, как в Пенджикенте и Бухаре, цитадель оказывается первоначально расположенной вне стен города. Стена шахристана из пахсовых блоков с прослойками кирпича между рядами и с круглой угловой башней по своему характеру ближе всего соответствует укреплениям Согда не ранее VI в. Попытка В.Д. Горячевой и С.Я. Перегудовой датировать стены шахристана и «рабада» сравнением описания Суяба в китайских источниках 630 и 679 г. без данных археологии кажется недостаточно убедительной.

Также нельзя признать безукоризненной попытку датировать части города по самым ранним зданиям, открытым внутри стен. В первую очередь, это относится к датировке рабада П.Н.Кожемяко. Христианская церковь, расположенная там, вполне могла быть построена еще до возведения стен этой части города, а к моменту их постройки уже лежать в руинах. По археологическим данным церковь была разрушена не позднее середины VIII в. В 1998 г. на этой территории нами были найдены каменный балбал VII – VIII вв., вряд ли поставленный на территории города.

Материалы раскопок Ак-Бешима вызвали большой интерес в научных кругах. Нумизматические материалы послужили предметом исследования О.И.Смирновой и А.М.Щербака, а более поздние Е.А.Давидович. Результаты исследования на французском языке были изложены Л. Амбизом, а на английском Г.Клаусоном. Он же был первым, кто сопоставил городище со знаменитым городом Суябом китайский и арабских источников. Это предположение переросло в уверенность в 1982 г., когда была найдена плита с китайской надписью в 11 строк. В надписи, частично прочитанной Г.П.Супруненко, упоминается гарнизон крепости Суе и имя китайского наместника западного края Ду Хуая. Последующая история изучения Ак-Бешима связана, по преимуществу, с интерпретацией буддийских и христианских построек.

III. Политическое и социальное устройство города.

Археологические материалы позволили выделить несколько моделей территориального развития города. Топография города в какой-то степени должна являться отражением его социальной структуры, которая, в свою очередь, напрямую связана с политическим устройством. Попробуем сопоставить данные письменных источников с результатами археологических исследований.

Центральный Согд.

В центральном Согде со второй четверти VII в. на монетах и согдийских текстах появляется идеограмма MLK' (хшед) для обозначения царя Согда. Правители отдельных городов носили титул хунав, хув, афшин (идеограмма MR'Y). Последний правитель Пенджикента Деваштич в течение нескольких лет претендовал на титул согдийский царь самаркандский государь. Монеты выпускались как в столице (Самарканде), так и в отдельных городах-княжествах (Пенджикент и др.).

Западный Согд.

Пайкенд.

О.Г. Большаков предположил, что Пайкенд являлся единственным в Средней Азии «вольным городом», купеческой республикой, управляемой патрициатом. Это предположение основано на определении Пайкенда в источниках как города купцов, отсутствие упоминания правителя при описании осады города арабами, а также на сообщении китайской хроники о том, что в городе Би (Пайкенд) нет правителя. В пользу этого предположения свидетельствуют как будто и бронзовые монеты конца VII – начала VIII в., легенды которых содержат только название города (ptkndh, аббревиатура pt), без титула и имени правителя.

Эти данные приходят в определенное противоречие с определением Пайкенда как резиденции правителей Бухары в тех же источниках. Раскопки на цитадели Пайкенда, открывшие дворцовый комплекс, святилище, сокровищницу и административный квартал свидетельствуют о наличии в городе резиденции правителя. В Тан-шу сообщается: В 100 ли от Ань (Бухары) есть владение Би (Пайкенд) в нем проживает не более 1000 семейств, оно не имеет правителя, но находится под аньской державой. Вторая часть этого сообщения прямо говорит о подчинении Пайкенда Бухаре, а сам город может быть одной из резиденций правителя области. О наличии нескольких резиденций правителя Бухары сообщает и Наршахи. К ним, кроме Пайкенда, относятся Варахша и Рамитан, где правитель проводил зиму. Нумизматические материалы VI – VII вв. говорят о существовании общебухарской монеты. Как представляется, приведенные рассуждения позволяют все же рассматривать Пайкенд как город-резиденцию. Роль городской общины в жизни города на

разных этапах его жизни могла меняться, но происходило это в рамках одного политического устройства.

В Бухарском Согде правитель Бухары носит титул *rwx'g xwβ k'w* (государь Бухары, владетель). В Бухаре практически нет монет отдельных городов оазиса, за исключением одной эмиссии из Пайкенда, а обращалась общебухарская монета, что подтверждает предположение обо всем оазисе, как едином владении.

Семиречье.

Суяб, как и Пайкенд, был городом-резиденцией. Основное отличие сводится к тому, что Суяб объявляли своей столицей кочевые западные тюрки, тюркешы и карлуки. Сам каган принимал Сюань-цзяна в своей ставке недалеко от города и, судя по описанию, был сторонником кочевого образа жизни. Не изменилась эта ситуация и позже. Худуд ал-'алам упоминает ставку кагана к западу от Суяба. Во всяком случае, если каганы и претендовали на роль правителей, то городской организм функционировал не по законам кочевых родов. Это предполагает известное самоуправление. На этом фоне незначительные размеры цитадели города соответствуют, вероятно, роли правителя в городском управлении. Денежное обращение в Семиречье основывалось на общетюркской монете с титулом кагана, и эмиссий, выпускавшимися удельными правителями.

Со времен Аристотеля в исторической науке существует традиция сопоставления социального строя города с его топографией: акрополь пригоден для олигархических и монархических государств, одинаковая укрепленность всех пунктов — для демократических (для аристократических лучше, если имеется несколько укрепленных пунктов). Как показывают результаты раскопок, топография Пенджикента, Пайкенда и Суяба близки (цитадель, шахристан, пригороды), хотя, как мы показали, политическая и социальная организации этих городов различались между собой.

Географическое положение и плотность городов.

Дороги и города.

В этой работе Согд рассматривается в широком значении, как территория расселения согдийцев и область распространения согдийского языка. Эта область на западе начинается от переправы через Амударью у Фараба, проходит через Пайкенд и Бухару на Самарканд. От Самарканда через Ташкентский оазис и степи Казахстана дороги вели до Тараза и городов Семиречья на востоке. На юге эта зона захватывала долину Кашкадарьи, а на севере — Уструшану.

Всеми исследователями признается, что согдийские города как своим появлением, так и последующим развитием во многом обязаны этой

системе трансконтинентальных торговых магистралей. В этом разделе, опираясь на археологические свидетельства, будет сделана попытка наметить некоторые направления связей городов и дорог.

О направлении и протяженности торговых магистралей мы знаем благодаря сведениям китайских паломников VII – VIII вв. и арабо-персидских географов IX – X вв. Именно эти данные берутся за исходный пункт всякого исследования по исторической географии Центральной Азии.

Большая хорасанская дорога.

Наиболее известный участок Шелкового пути от Амударьи до Самарканда. Он отражен как на древних картах, так и в описаниях Ибн-Хаукаля и других авторов. Поселения расположены друг от друга на расстоянии одного дня пути. В выборе места для остановки караванов большую роль играли природные условия. Переход Фараб-Пайкенд имел протяженность 12 фарсахов и проходил по пустыне (Наршахи), а следующий Пайкенд – Бухара был в два раза короче (8,5, по Кудаме, или даже 5 фарсахов, по Истахри, Макдиси, Хордадбеку).

В среднем переход составлял около 7 фарсахов. Так, по Наршахи, от Бухары до Тавависа 7 фарсахов, а до Кермины 14 фарсахов. Но если первый отрезок проходил по плодородному оазису, то за Тавависом начинается Чули Малик. Сами переходы могли быть короткими, как между Кермине и Дабусией или, наоборот, длинными, как Дабусия-Арбинджан.

Такова была ситуация к X в. Археологические данные позволяют говорить о том, когда эта ситуация сложилась. Древнейшие слои Бухары и Пайкенда датируются концом IV – началом III в. до н.э. О Фарабе данных не имеется, но городище на другом берегу переправы в Чарджоу также было основано примерно в это же время.

Небольшие по размерам раскопки Арбинджана показали наличие на памятнике слоев, начиная с IV – V вв. Таким образом, он оказывается значительно более поздним, чем основание Бухары и Пайкенда. И, наконец, дорога доходила до столицы Согда Самарканда, основание которой относится ко времени не позднее VII – VI в. до н.э.

Предварительные выводы:

1. Между переправой через Амударью у Фараба и Бухарой нет памятников ахеменидской эпохи. Это может говорить о том, что дороги в столицу Согда начинались у другой переправы, вероятно в Кирках, и через южный Согд вели на север. Известно, что центральный памятник Южного Согда – Еркурган не уступает по древности Самарканду.

2. Первые поселения на будущей большой хорасанской дороге появляются, вероятнее всего, после походов Александра Македонского, одна-

ко в это время они еще не образовывали сплошную сеть. Сами поселения, как можно судить по материалам Пайкенда, занимали только часть площади цитадели города.

3. Окончательно система поселений на царской дороге складывается, видимо, к V — началу VI в., во время новой волны урбанизации Согда. В это время рядом с ранними поселениями строятся города, а сами поселения превращаются в цитадели новых городов.

Обратимся к дороге из Бухары в Хорезм. На расстоянии одного дня пути от Бухары на этой дороге находится Варахша, которая по археологическим данным возникла одновременно с Бухарой и Пайкендом. За ней простиралась пустыня на протяжении 8 дней. Таким образом, для Западного Согда возникновение поселений на торговых трассах в конце IV — начале III в. до н.э. относится не только к царской дороге. В описанную закономерность поселений Бухары не вписывается Рамитан, который в Тан шу называется столицей Бухары. Согласно Бал'ами, Рамитан находится в двух фарсах от Пайкенда и причислен к нему. На самом деле Рамитан находится между Пайкендом и Варахшой, ближе к последней и, вероятно, как и два этих поселения являлся одной из резиденций правителей Бухары.

Обратимся к отрезку Тараз-Суяб. Список населенных пунктов давно привлекал внимание археологов. В современной топонимике сохранились только Тараз, Мирки и Ашпара. Отождествление городищ с перечисленными на этой трассе поселениями археологи Киргизии занимаются давно. Со времен А.Н.Бернштама предложено, по крайней мере, три варианта (В.Д.Горячева, К.М.Байпаков). На территории, где дорожники IX — X вв. называют всего 10 поселений, Кожемяко было описано 18 больших городищ. Расстояния между некоторыми из них имеют значительные расхождения с дорожниками. Так, между Ашпарой и Нузкетом указано 8 фарсахов, а между развалинами, отождествляемыми с этими городищами, не более 30 км. Если китайская надпись из Ак-Бешима позволила окончательно отождествить его с Суябом, то даже для наиболее хорошо изученной Красной Речки ее отождествление с Сарыгом (А.Н.Бернштам) или Невакетом (В.Д.Горячева) пока не находят фактического подтверждения. На городище у с. Покровка 20 км западнее Красной Речки был найден хум с согдийской надписью с упоминанием Пакапа. Это название одной из согдийских колоний Чуйской долины отсутствует в арабско-персидских источниках.

Сведения арабо-персидских авторов и археологические материалы свидетельствуют о наличии в Чуйской долине на сравнительно коротком отрезке большого числа крупных городищ с длинными стенами (18 городищ расположены на расстоянии в среднем 10 — 14 км, а иногда всего в 3 км друг от друга).

Сравним города на Большой хорасанской дороге с городами Чуйской долины. В обоих случаях города располагаются цепочкой вдоль главной магистральной дороги, идущей в направлении восток – запад. Основание городов на обоих участках относится к V – VI вв. Дальше начинаются различия. Особенностью городов Чуйской долины является наличие длинной стены вокруг каждого города. Главное же отличие состоит в чрезвычайной плотности расположения городов. Если в Бухарском оазисе города располагались на расстоянии одного дня пути друг от друга и, соответственно, территория вокруг этих городов на протяжении 50 – 60 км являлась городской округой, то в Чуйской долине положение иное. Города практически не имеют округи. Рассмотрим это на типичном примере Ак-Бешима. Рядом с Ак-Бешимом на расстоянии около 5 км к Ю-В от него так, что длинные стены практически соприкасаются, находится Бурана. Кроме Бураны вокруг Ак-Бешима расположена группа, состоящая из пяти более мелких поселений, расположенных к северу от него по одной линии вдоль края террасы Чу на расстоянии 1 – 2 км один от другого. Два из этих поселений в плане представляют собой квадрат 125x125 м (Малый Ак-Бешим) и 200x200 м (Старопокровское городище). На первом из них подъемный материал относится к X – XII вв., а на втором VI – XII вв. Два других значительно меньше по размеру с очень незначительным культурным слоем X – XII вв.

Худуд ал-'алам выделяет район Суяба в страну тухусов, граничащую с карлуками, чигилями и киргизами. Из этой страны везут мускус и различные меха. Богатство обитателей составляют коровы, лошади, овцы, меха. Два клана тухусов обладают небольшой территорией и есть два селения, названные по имени этих племен. Затем упоминается Суяб (большое селение) и Бигилик, имеющий и второе согдийское название Самакна, которое могло выставить до 3000 воинов во главе с дихканом Иинал Бек Тегиним, Уркат – небольшое и малочисленное селение. Гардизи добавляет, что владетель Бигилика, как и Суяба, был братом ябгу. В.Ф. Минорский полагает, что это говорит, что оба поселения находились в руках одной семьи. В противоположность этому правитель Урката (небольшого селения рядом с Бигиликом) носил титул дихкан и был местного происхождения.

До сих пор слои «согдийского» времени известны кроме Суяба на Новопокровском городище и в центре Бураны. Быть может, они и являются селениями, относящимися к Суябу, оба переживают его, а Бурана развивается впоследствии в крупный город. Кудама сообщает, что к Суябу относятся два селения: Кубал и Сагур-Кубал. Суяб выступает как центр округа с несколькими зависимыми селениями значительных размеров (до 4 га). На западе его граница простиралась до Красной Речки

(21 км), на севере и на юге были ограничены горами Киргизского Алатау и Чу-Илийскими горами. Расположенная к западу Красная речка принадлежала уже карлукам. Карлукам же принадлежали и города к западу от нее. Худуд ал-'алам сообщает, что между Куланом и Мерки проживают три карлукских рода, а Барсханом на берегу Иссык-куля правит дикхан карлук, а жители его — токузгузы. Таким образом, можно предположить, что к X в. каждый город подчинялся одному из кочевых племен и находился на его племенных землях. Быть может, эта ситуация была и в VI в., когда основывались эти города, каждый из которых находился на землях, тогда принадлежавших одному из тюркских племен. Сюань-цзян, описывая города Семиречья, сообщает, что в каждом городе к западу от Суяе есть правитель, они не зависимы один от другого, но находятся под властью тюрок. Есть данные, которые позволяют предполагать, что и согдийцы, основывавшие города, сами происходили из разных согдийских метрополий, как, например, жители Джамуката были выходцами из Пайкенда, а в 10 ли на запад от Суяба (или в 40 ли) находился город Ми, основанный выходцами из Маймурга.

Все вышесказанное не означает, что торговля и местоположение на торговой трассе не играли важную роль при выборе местоположения. О Таразе и Мирки Худуд ал-'алам сообщает, что они посещаются купцами, а запустевший Нункат (Навикат) служит остановкой (для караванов) на дороге. О том, что Суяб место, где собираются купцы из разных стран, сообщает Сюань-цзян. О некоторых городах (Кулан, Тузун-Булах) сообщается, что их жители занимаются земледелием. Археологически земледельческие занятия жителей семиреченских городов подтверждают многочисленные находки сельскохозяйственного инвентаря: остатки деревянного плуга, жернова от мельничных поставов, серпы, мотыжки. В свете этих находок гипотеза П.Н.Кожемяко о сочетании в занятиях жителей поселений Чуйской долины ремесленно-торговых и земледельческих занятий выглядит правдоподобной. Он полагал, что длинные стены не являлись границей рабада в смысле торгово-ремесленного предместья, а окружали сады и пашни горожан (от потравы при сезонных перекочевках кочевников-скотоводов).

Если это так, то характеристика городов Семиречья сильно отличается от поселений Бухарского Согда, о которых, благодаря Наршахи, мы знаем, что богатство их жителей было приобретено торговлей и ремеслами, а пахотные земли составляли небольшую часть площади. Как сообщает Сюань-цзян, половина населения (сильные телом) в Сули возделывает землю, а вторая зарабатывает деньги.

Город и село. Географический фактор.

Западный Согд.

В «Китаб ал Иклим» о Пайкенде написано: Каждый город Мавераннахра имеет посе́вы и деревни, кроме Пайкенда, там имеются только базар и рабаты, число которых достигает 1000, имеется также крепостная стена.

И, действительно, вокруг Пайкенда не обнаружено сельских поселений, за исключением замка Бад-Асия в 5 км от него. Поселения с замками появляются к востоку от Пайкенда, уже внутри длинной стены, окружающей оазис. Наршахи сообщает о 700 замках в окрестностях Бухары, окруженных садами и полями. Многочисленные нераскопанные «тепе с площадками» вокруг Бухары могут скрывать эти замки. К западу от Пайкенда в песчаной пустыне поселений нет.

Центральный Согд.

Вокруг Пенджикента раскопаны многочисленные усадьбы, образующие своего рода поселки (Б.И. Маршак, В.И. Распопова). Каждая усадьба представляла собой двухэтажное здание, похожее по планировке на дома рядовых горожан в самом городе. К усадьбе примыкали двор, а рядом могли находиться сады и огороды.

В округе Пенджикента и выше по Зеравшану известно несколько замков с поселениями (Ак-Тепе, Шоторак, Фильмандар). Сами замки в плане также похожи на дома горожан, а структура поселений неизвестна. Исключение составляет поселение Гардони Хисор, раскопанное полностью.

Семиречье.

Каждый из больших городов был обнесен длинной стеной, иногда в несколько рядов. Внутри этой стены, судя по раскопкам Красной Речки, находились замки с примыкающими дворами, также обнесенными стенами.

Главная дорога и планировка уличной сети (рис. 3).

Мы установили важную роль торговых путей для выбора местоположения города. Теперь будет сделана попытка проследить, опираясь на археологический материал, взаимосвязь между возникновением и развитием основных частей города с развитием уличной сети, точнее с главной улицей города.

В Пайкенде центральная улица, отчетливо прослеживаемая в микрорельефе, пересекает весь город с востока на запад и делит его на две примерно равные части. Три части города внутри крепостных стен: цитадель, шахристаны I и II как бы нанизаны на ось этой широтной улицы. Раскопками установлено, что эти части города не одновременны. Рассмотрим возможную роль этой улицы для основных этапов территориального развития Пайкенда.

Древнейшей частью города является цитадель, на месте которой в III – II вв. до н.э. существовало поселение. Бросается в глаза, что эта улица проходила с юга мимо единственного входа в цитадель. Логично предположить, что единственные ворота крепости открывались в сторону проходящей рядом дороги или, что укрепление возникает вдоль дороги в удобном по каким-то причинам месте. Таких причин могло быть несколько: необходимость остановки караванов на полпути между Амударьей и Бухарой, наличие источника воды и т.д. Если это так, то дорога вполне могла существовать и ранее возникновения поселения. Это знаменитая трасса от переправы через Амударью у Амуля и Фараба, идущая через Пайкенд на Бухару и далее вдоль Зеравшана к Самарканду. Если наше предположение правильно, то крепость возникает к северу от этой дороги на полпути от Амуля к Бухаре на трассе Шелкового пути.

Следующий этап развития города завершился возведением квадрата стен к западу от крепости в V в. Неизвестно, существовала ли какая-либо застройка на этой территории до возведения крепостных стен. Но вряд ли случайно трасса дороги, проходящей с юга от поселения, ставшего цитаделью города, является теперь главной широтной улицей шахристана. Возникновение этой дороги, как было показано, может быть отнесено к более раннему времени, чем постройка шахристана в V в. В этом случае, дорога является основным градообразующим элементом для данной территории. Можно предположить, что наиболее ранняя застройка в городе появилась сначала вдоль дороги, подходящей к цитадели, и лишь затем был окончательно оформлен шахристан I.

Дальнейшее территориальное развитие города также шло вдоль его широтной оси, которой являлась главная улица. Напротив ворот в западной стене шахристана I в западной стене шахристана II также были сделаны ворота. В это же время возникает и главная меридиональная улица, идущая от северных к южным воротам, расположенная, видимо, на месте первоначального рва.

В IX – X вв. застройка за пределами стен продолжает группироваться вдоль продолжения магистральных улиц. Так группа караван-сараяв или рабатов к востоку от цитадели явно располагается по обеим сторонам дороги, выходящей из города по направлению к Бухаре.

Рассмотрим теперь соотношение главной улицы в развитии столицы оазиса Бухары. Раскопки показали, что древнейшей частью города является цитадель. На плане раннесредневековой Бухары, реконструированном О.Г.Большаковым, выделяются цитадель-Арк и расположенный к востоку от него прямоугольный шахристан. Раскопки на шахристане Бухары показали, что ров и стена делили шахристан на северную и

южную части. В соответствующем разделе работы мною были приведены аргументы в пользу гипотезы о том, что две части шахристана Бухары, как и в Пайкенде, являются разновременными, а первоначально шахристан занимал только северную часть раннесредневекового города. В этом случае развитие раннесредневековой Бухары следовало той же модели, что и Пайкенда: цитадель, шахристан I (северный), шахристан II (южный). Цитадель Бухары имела двое ворот: восточные «Гуриян» и западные «Регистан». Посреди крепости между воротами проходила дорога. В западной стене шахристана напротив ворот «Гуриян» находились «ворота кухендиза», от которых на восток через весь город проходила улица («Г» на плане Большакова). Для раннего города в V – VI вв. эта улица проходила через цитадель и шахристан. Получившаяся схема повторяет схему развития раннесредневекового Пайкенда. Вероятно, на восточной стороне Бухары напротив ворот «кухендиза» находились еще одни ворота. Впоследствии, при расширении города, они были перенесены южнее, где в V в. находился ров, а в VII – VIII вв. туда была перенесена главная широтная улица города. Этим переносом улицы можно объяснить и название восточных ворот города «Нау» – «новые».

При сравнении схемы развития Пайкенда и Бухары в глаза бросаются два отличия. Первое заключается в том, что цитадель в Пайкенде примыкает к главной дороге, а в Бухаре дорога проходит через центр цитадели. Это различие объяснимо, если предположить, что раннее поселение на месте бухарского Арка начало складываться по обеим сторонам дороги, а впоследствии крепостные стены окружают стихийно сложившееся поселение. Стихийному, постепенному характеру образованию Арка соответствует и семиугольный план укрепления, отличающийся от прямоугольника пайкендской цитадели.

Второе отличие состоит в том, что шахристан Бухары рос к югу от раннего города, а в Пайкенде – к западу от главной дороги. В результате центральная улица Бухары была перенесена южнее. Но примечательно, что в результате такого разного роста городов, планы Пайкенда и Бухары стали очень похожи: обе цитадели теперь располагались к северу от главной дороги, делящий шахристан на северную и южную половины. Примерно в центре города главная дорога в обоих городах пересекается с перпендикулярной ей улицей, проходящей через ворота на южной и северной границах. Дальнейший рост территории в IX – X вв. шел вдоль этих четырех дорог.

Можно предположить, что для городов, лежащих в стороне от магистрали, доминанта градообразования могла быть иной. Иначе шло формирование шахристана и у городов, расположенных не на равнине. Примером может служить городское пространство Пенджикента, где двое

ворот на юге и в северо-восточной части, не связаны с центральной улицей города. При выборе места для поселения строители руководствовались соображениями безопасности: и цитадель и шахристан расположены на возвышенностях. Дорога из Самарканда в Пенджикент и далее вверх по Зеравшану проходила, видимо, с севера от цитадели, а затем по руслу сая между цитаделью и шахристаном обходила город с юга, где располагались главные ворота.

Гипотеза о древней торговой магистрали как градообразующей доминанте высказывалась уже применительно к ряду иранских городов и позднесредневековых городов Средней Азии. Полученные за последние годы археологические материалы позволяют предположить, что она справедлива и для ряда городов раннесредневекового Согда.

Уличная сеть.

Проблема регулярности уличной сети и квартальной застройки городов актуальна с момента возникновения теории С.П. Толстова о противопоставлении регулярных городов античности и стихийно сформированных около жилищ феодалов шахристанов средневековья., Л.Л. Гуревич, опровергая эту теорию, попытался обосновать тезис о регулярной застройке Пенджикента с момента его основания сетью улиц и кварталов со стороной 53,8 м. Отсюда следовал вывод, что Пенджикент застраивался по единому плану. В дальнейшем, по мнению Гуревича, строгость и регулярность планировки были искажены перестройками и переделками, и только храмы сохранили свои участки.

Раскопки Пенджикента после работы Гуревича поставили под сомнение ее главный тезис. Часть улиц, в частности южная широтная улица, оказалось не древнее VII в. (Д. Абдуллаев). Не подлежит сомнению одновременная постройка крепостных стен, выделение храмового участка, и части улиц в V в.

Пайкенд.

В С-З части шахристана I выделяется подквадратная часть, ограниченная с запада улицей 3, с юга улицей 4, с востока улицей Ц, с севера крепостной стеной и, вероятно, улицей 1. Размеры участка, ограниченного улицами 75x84 м. Внутри тремя параллельными улицами он разделен на три прямоугольных квартала 84x22 – 25 м (рис.1).

Сравним предложенную О.Г. Большаковым реконструкцию плана Бухары и материалы соседнего Пайкенда. Размеры кварталов в Бухаре (130 – 140x45x50 м) оказываются в два раза больше, чем в Пайкенде. Эта разница, конечно, может быть связана с особенностями планировки этих городов. Но с такой же вероятностью можно предположить, что планировка двух соседних синхронных городов имела общие черты. Обращают на себя внимание открытые Т-образные перекрестки Пай-

кенда и крестообразные перекрестки в реконструкции плана Бухары. Возможно, что открытая планировка в Пайкенде является только частью квартала, ограниченного с востока улицей. В «Истории Бухары» упоминаются отдельные части города. Так Ю-В часть шахристана принадлежала одному владельцу.

Выявленная часть Пайкенда с тремя кварталами не находит соответствия в реконструкции плана Бухары. Можно предположить, что внутри квартала Бухары, выделенного О.Г. Большаковым, могла проходить внутриквартальная улица, делящий его на две части. Косвенным аргументом в пользу этого предположения может служить неоправданно большая ширина квартала.

Семиречье и Южный Казахстан.

Для собственно Семиречья материалы по квартальной застройке городов до сих пор отсутствуют. Такие материалы существуют для тесно связанного с ним района Южного Казахстана (городища Кок-Мардан и Куйрук-тобе). Если кварталы Бухары, по сравнению с Пайкендом, выглядят слишком большими, то в Южном Казахстане, напротив, слишком маленькими. Под кварталом К.М. Байпаков понимает группу из 4 – 6 одно- двухкомнатных секций, сгруппированных по обеим сторонам от тупикового переулочка, отходящего от магистральной улицы. Примечательно, что вход в переулок в месте соединения с улицей, закрывался деревянными дверями. Каждая секция (у Байпакова дом) выделялась по наличию помещения с очагом в центре. «Квартал» Байпакова по размерам и плану оказывается похожим на планировку Ак-тепе около Варахши и жилого дома в Пайкенде и, вероятно, также является одним жилым домом. Часть квартала, состоящего из ряда таких жилищ, раскопан между крепостной стеной и параллельной ей улицей.

IV. Градообразующие факторы.

Возможная роль отдельных городских структур (святилища, дворцы, базары) в возникновении и последующем развитии города неоднократно предполагалась, прежде всего, историками архитектуры (В.Л. Воронина, В.А. Нильсен, В.А. Лавров). Рассмотрим эти факторы в свете имеющегося археологического материала для Согда.

Храмы и город.

Заслуживает внимания роль различных культовых сооружений в развитии городской структуры.

Зороастрийские храмы в согдийских городах являются одними из первых городских построек (Пенджикент) или даже предшествуют по времени образованию города (Пайкенд). Они являлись самыми долговечными постройками, существуя на одном месте 400 и более лет и, безусловно, могут считаться одним из важных факторов сложения и развития городов раннего средневековья.

В отличие от зороастрийских храмов известные ныне буддийские святилища Семиречья возникают значительно позже образования городов и существуют относительно недолго — около 100 лет. В Самаркандском Согде, судя по письменным источникам, буддизм к этому времени уже потерял свои позиции, а для Бухарского Согда материалы отсутствуют. Все известные буддийские святилища располагались за пределами стен шахристана и могли играть определенную градообразующую роль для этой части города вне его первоначальных границ. Быть может, в этой части концентрировалось китайское население города.

Археологические материалы показывают сколько-нибудь значительную роль христианства только с VIII в. Ранняя церковь в Ак-Бешиме находилась за стенами шахристана. После арабского завоевания христианская церковь в Бухаре, судя по письменным источникам, была превращена в мечеть, что может говорить об ослаблении позиций христианства в городах Мавераннахра. В противоположность этому в X в. в Ак-Бешиме возводится крупный христианский комплекс в пределах стен шахристана. К этому же времени относятся и находки согдийских надписей христианского содержания.

Первые мечети в Согде были построены, согласно письменным источникам, на месте древних храмов огня и христианских храмов, хотя археологического подтверждения этому до сих пор нет.

Базары и город.

Еще одним градообразующим компонентом согдийского города служили базары и ярмарки. Наршахи сообщает, что в ряде селений Бухары по определенным дням съезжались купцы со всей округи и приезжали даже издалека. Пайкенд, Исфиджаб, Тараз, Суяб считались купеческими городами. Описание базаров было обязательным при упоминании городов IX — XI вв. Все это говорит о большой роли, которую играла торговля в жизни согдийского города.

Археологический материал по этой теме (два базара в Пенджикенте и лавки лепешечников в Пайкенде) говорит о том, что известные в городе базары возникли для обслуживания населения, а не являлись причиной его концентрации на этом месте. Базары, возникшие вне городских стен, могли бы служить ядром для формирования торгово-ремесленного предместья. Материалы Пенджикента не позволяют проследить этот процесс, так как базар объекта IX относится к последнему периоду жизни города и до самого конца оставался небольшой площадью перед воротами с несколькими ремесленными мастерскими и лавочками.

Сообщения письменных источников и археологический материал показывают, что хотя базары и не являлись причиной основания города, но, во всяком случае, составляли его гордость и определяли в глазах современников его значимость.

Дворец в структуре согдийского города.

В Пайкенде дворец с перестройками просуществовал на одном месте с конца IV – начала V вв. и до конца жизни города в начале XI в. Дворец на цитадели был построен еще до возникновения Пайкенда как города, когда существовало только укрепленное поселение на месте будущей цитадели. Наряду со святилищем, он был одной из древнейших построек, включенных впоследствии в городскую структуру.

Практически все дворцы домусульманского Согда являются комплексом сооружений, пристроенном или встроенным в более ранние структуры. Поэтому их общий план производит впечатление конгломерата, не имеющего единого фасада, что типично для зданий, построенных сразу и по единому плану. Дворцы в виде единого здания появляются в середине – конце VIII в. Наиболее ранний образец такого здания представлен на Афрасиабе. Продолжая традицию домусульманских резиденций он расположен у подножия цитадели. Как полагает Ю.В. Карев, дворец был построен Абу Муслимом с привлечением мастеров из стран Ближнего Востока. Ту же ближневосточную традицию предполагают и в плане Акыр-таша около Джамбула. Ближневосточную традицию дворцового строительства можно проследить и позднее на примерах дворцов Варахши и Ак-Бешима с четырьмя симметричными айванами, открывающимися во внутренний двор. Но наряду с этим продолжали существовать и дворцовые здания, построенные ранее, такие, как дворово-айванная планировка дворца Пайкенда.

V. Жилые дома в городе и сельская застройка.

Открытый в Пайкенде богатый дом с парадным залом сильно отличается от всей известной застройки Пенджикента и близок планировке Ак-тепе около Варахши (рис. 2, 4 – 5). При сравнении этих построек бросаются в глаза некоторые сходные черты:

1. Сопоставимы размеры обеих построек и размер полезной площади. Они составляют 350 м^2 и 218 м^2 в Пайкенде и около 400 м^2 и 185 м^2 в Актепе.

2. Похоже основное планировочное решение, где отдельные помещения связываются при помощи коридоров, осевого и расположенного перпендикулярно ему.

3. Практически одинаковы жилые помещения с суфами по четырем сторонам, скользящим проходом в углу и подиумом для очага в центре.

Отличаются эти два плана прежде всего наличием большого парадного четырехколонного зала в Пайкенде площадью около 60 м^2 .

Если дом в Пайкенде, несомненно, принадлежал зажиточному горожанину, то со статусом Ак-тепе обстоит сложнее. Авторы раскопок считали его сельским феодальным замком. Обращает на себя внимание

наличие пяти или шести одинаковых жилых комнат площадью 20 – 23 м² с очагами в центре. Каждая из таких комнат предназначена для проживания одной группы людей. Это может быть малая семья, тогда Ак-тепа возможно интерпретировать как большесемейное жилище (например: старики, родители, женатые сыновья, незамужние дочери.). Наличие одного тандыра говорит, скорее всего, о совместном ведении хозяйства (по крайней мере, выпечки лепешек). Возможно, хотя и кажется менее вероятным, что проживающие не связаны родственными узами, тогда Ак-тепа – это место проживания соседской общины. Маловероятным выглядит предположение о феодальном характере постройки, в которой шесть одинаковых жилых комнат, но нет и намека на часть дома, где мог жить и принимать гостей сам хозяин.

Таким образом, при общей схожести плана их социальное назначение оказывается разным. В доме Пайкенда проживал знатный и богатый человек с домочадцами, а часть дома сдавалась, видимо, в аренду. В Ак-тепа проживало несколько равноправных семей, если судить по площадям жилых помещений. При этом принципы планировки обоих домов оказываются схожими. Это сходство связано с общими архитектурными традициями, а различия объясняются разным социальным статусом их обитателей. Дома таких же размеров и планировки были открыты в Куйрук-тобе и Кок-Мардане (кварталы, по К.М. Байпакову) (рис.2,6).

В Самаркандском Согде на основании раскопок Пенджикента и селений верховьев Зеравшана В.И. Распопова выдвинула тезис о принципиальном отличии застройки города и села. Городской дом среднего достатка по размерам и планировке близок архитектуре замков, но кардинально отличается от сельской застройки. В Бухаре, напротив, видна близость этих типов.

Изменение застройки шахристанов в VII – VIII вв.

Материалы раскопок последних лет в Пайкенде позволяют проследить некоторые тенденции в изменении жилой застройки в VII – VIII вв. и сравнить их с аналогичными по времени изменениями в Самаркандском Согде.

Открытие большого дома VII в., который за короткое время был дважды разделен, позволило по-иному рассматривать и уже имеющиеся данные по архитектуре Пайкенда. Теперь ясно, что небольшие типовые жилые секции, выделенные раскопками предыдущих лет, появились в результате деления первоначально богатого большого дома. Количество материалов Пайкенда по изменению характера застройки еще слишком малы, чтобы делать выводы о системном характере отмеченных явлений. Намного больший материал имеется в Пенджикенте.

В.И.Распопова на основании широкомасштабных раскопок города отметила следующие тенденции: в конце VII – начале VIII в. в городе идет процесс перераспределения земельной собственности. К началу VIII в. свободных участков в городе уже не оставалось. В первой четверти VIII в. хорошо прослежен процесс образования домов новой знати с «захватом» части соседних домов. Через 20 – 25 лет доля жилищ знати в городе сокращается почти вдвое, появляются крупные жилища без парадной части. Раздел ряда старых домов привел к появлению маленьких жилищ площадью около 20 м². Еще через 20 лет меняется характер застройки. Почти полностью исчезают богатые домовладения при относительно большом количестве рядовых домов с лавками и мастерскими. Основным населением города становятся жители более низкого социального статуса, которые селятся в переделанных постройках знати.

Значительное увеличение домов знати в первой четверти VIII в. в Пенджикенте исследователи связывают с переселением в него аристократии из захваченного арабами в 712 г. Самарканда, а восстановление части жилищ в 740-е – с договором между согдийцами и Насром б. Сейаром после восстания 720 – 722 гг.

Политическая история Пайкенда отличается от Пенджикента. Город был захвачен и разрушен арабами уже в начале VIII в., а затем восстановлен жителями. Если пожар в северной части квартала РШ-I связан с этими событиями, то он приходится на второй период, а первое деление дома было еще до этих событий. Если для Пенджикента изменения домовладений связываются, в первую очередь, с изменениями политическими, то в Пайкенде можно предположить, что уплотнение жилой застройки является результатом роста семьи и выделением взрослых женатых сыновей.

Таким образом, можно предположить и разный характер населения Пенджикента и Пайкенда. Для Пенджикента В.И. Распопова предполагает соседскую общину, где в каждом доме проживала одна семья. В раскопанных домах с одним выходом на улицу до сих пор не обнаружено двух или нескольких ячеек для семейных пар. В Пайкенде три таких ячейки открыты только в основной части дома. Одинаковые размеры этих помещений позволяют сделать вывод о том, что в таких домах проживала большая неразделенная семья. Процесс ее деления отмечен в VII – VIII вв. Можно предположить, что он шел параллельно с выделением малой семьи из состава патронимии.

VI. Согдийский город IX – XI вв.

В этой главе на основе археологического материала делается попытка проследить традиции и инновации в развитии согдийского города IX – XI вв. Как представляется, город IX – XI вв. был прямым продолжени-

ем согдийского города предшествующего времени, хотя политическая история Самарканда и Бухары с одной стороны, и Семиречья – с другой, на протяжении VIII – X вв. были различны. Лучше всего об этом говорит тот факт, что новых городов в это время не основывалось, а значит, жизнь продолжалась в тех же городах, носивших старые названия. Можно выделить несколько типичных моделей:

1.Континуитет названия. К этой группе относятся города, где охраняется преемственность города, несколько раз менявшего свое местоположение, но сохранявшего старое название. Примером такого города может служить Пенджикент, известный в источниках IX – XI в. как «шахрак» – «городок» и «новый городок» и доживший до настоящего времени.

2.Континуитет развалин. К этой группе относятся средневековые города, возникшие после значительного перерыва на месте более ранних городов или селений. К ним можно отнести Бурану и попытку возрождения Пайкенда в начале XII в.

3.Континуитет жизни города. К этой группе относится подавляющее количество древних городов, продолжающих существовать на том же месте и сохранивших старые названия.

Материалы Пайкенда наилучшим образом позволяют характеризовать особенности этого периода в городе.

Крепостные стены. Согласно концепции Бартольда-Якубовского, центр городской жизни перемещается в рабад. Логическим выводом из этой теории было предположение о запустении и разрушении городских стен в это время. Основной аргумент в пользу этого предположения археологи видели в появлении ям бадрабов на стенах Варахши, Кулдортепе, Пайкенда. Раскопки последних лет открыли в Пайкенде, следы ремонтов стен в IX – XI вв., коснувшихся как стен цитадели, так и шахристана. При этом выяснилось, что ямы бадрабов были вырыты в кладках стен VI – VIII вв., в то время как фасад стен в это время находился далеко снаружи. Материалы Варахши также обнаруживают перестройки городских стен IX – X вв. Эти данные опровергают выдвинутым мною ранее тезис и том, что в IX – X вв. граница между шахристаном и рабадом теряет свое значение.

Цитадель продолжает оставаться резиденцией правителя. В Пайкенде в дворцовом комплексе открыты слои и перестройки саманидского времени. Изменения коснулись повышения уровня пола и превращения айвана в помещение с колоннами, общий план при этом остался неизменным. О том, что цитадель продолжала оставаться административным центром, свидетельствуют и находки двух документов на арабском языке о выдаче, видимо, зерна, прочитанные О.Г.Большаковым. По-

чти тонна продукта, выданная за два дня, говорит о масштабах государственных выдач. Продолжало использоваться здание святилища и пространство перед ним. К новым постройкам в цитадели относятся минарет и, возможно, остатки соборной мечети.

Шахристан. Материалы показывают, что при сохранении части уличной сети происходит ее дальнейшее изменение и развитие. Эти данные приходят в определенное противоречие с предположением о запустении шахристанов. Оба шахристана Пайкенда в X – XI вв. были застроены настолько плотно, что ранняя застройка известна только на одном участке, где она была размыта. Благодаря, прежде всего, работам И.К.Малкиеля, появились материалы для ее характеристики. Они показывают, что нет данных, позволяющих говорить, что шахристан IX – X вв. приходит в запустение. Он продолжал оставаться не только жилым, но и торгово-ремесленным центром.

Рабат. Сплошного культурного слоя за пределами шахристана не существовало, как не существовало и стены, окружавшей эту часть города. К наиболее значимым постройкам, помимо рабатов, относится квартал керамистов к востоку от цитадели.

Определенные данные имеются для характеристики этой эпохи и в Ак-Бешиме.

Цитадель.

Во второй половине X в. на остатках более ранних сооружений было построено здание, занимающее всю площадь цитадели. Его особенностью является центральный внутренний двор и наличие в середине каждой стороны айвана, открывающегося во двор. Четырехайванная композиционная схема получает широкое распространение в исламской архитектуре, начиная с X в. В Бухарском Согде здание подобного типа открыто на цитадели Бухары. Помимо дворцов подобный план имели мечети и медресе. В Ак-Бешиме нет данных о культовой принадлежности здания и, скорее всего, на цитадели находилась резиденция правителя.

Шахристан.

Центральная часть шахристана была застроена сплошь, хотя стены построек верхних строительных периодов не отличаются монументальностью. В Ю-З углу шахристана открытый комплекс церквей занимает территорию целого квартала.

Рабат.

Для характеристики этой части города материалы незначительны, ясно лишь использование более ранних построек, таких как буддийские храмы или христианская церковь. Гипотеза об обнесенных стеной сельскохозяйственных угодьях с усадьбами выглядит привлекательной, но не может быть проверена на материалах Ак-Бешима. Многочислен-

ные караханидские усадьбы в рабаде Красной речки как будто не противоречат ей.

Как отмечал О.Г.Большаков, «не удастся установить никаких социальных и экономических причин, которые могли бы обусловить запустение шахристанов». Материалы Пайкенда показывают, что в центре старого города (шахристан I) уже в конце VII – VIII вв. шел процесс деления первоначально богатых жилищ. В старом городе отсутствовала свободная площадь, что при росте семьи приводило к увеличению плотности застройки за счет ухудшения качества жизни. В новой части города (шахристан II) свободной земли было больше и вплоть до конца жизни города там не отмечено раздела домовладений. Это позволяет говорить о том, что через 200 – 250 лет после основания города его центральная часть уже превратилась в кварталы скромной по характеру и очень плотной застройки. В IX – XI вв. здесь могли существовать и богатые дома, но не они определяли характер застройки этой части города.

VII. Согд и его соседи.

Раннесредневековый город лучше всего изучен в Согде. Тем не менее, определенный материал имеется и для других областей Средней Азии.

Хорезм. Города Хорезма можно разделить на возникшие в эпоху античности (древности), продолжающие существовать в раннем средневековье, и на «новые» города. К первому типу относится Топрак-кала. В IV – VI вв. отмечается некоторое уменьшение первоначальной регулярности плана и, как полагает Е.Е.Неразик, бывшая столица превращается в небольшой городок. Ко второму типу городов относится комплекс у подножия крепости Аяз-кала 2, где в V – VII вв. был воздвигнут дворец, а рядом возникло городское поселение. Раскопки Аяз-калы особенно важны для выявления общих линий развития городов Средней Азии. Общая композиция Аяз-калы ближайšie аналогии находит в структуре Пенджикента. Цитадель на высоком холме отдельно от города, у подножия которой располагался дворец. Прямоугольный шахристан, обнесенный отдельной стеной, также соответствует пенджикентской структуре и говорит против стихийного сложения города. До раскопок города у Аяз-калы материалы по городам раннего средневековья ограничивались исключительно Беркут-калой, шахристан которой не производил впечатления построенного по одному плану, что и послужило основой для концепции С.П. Толстова. Неудивительно поэтому, что выводы Е.Е.Неразик являются существенным отходом от позиций ее учителя. Упадок городов еще признается, но размеры его ограничены, а причины уже не связываются с кризисом формации.

Планировка городского жилища раннего средневековья в Хорезме остается неизвестной. В «сельском» жилище в начале VIII в. появляются

ся донжоны, что примерно соответствует ситуации в Согде, хотя их внутренняя планировка в Хорезме и Согде различна. В планировке жилищ Хорезма VII – VIII вв. Е.Е.Неразник отмечает ранее неизвестные новации. Одна из них заключается в появлении повторяющихся в составе одной постройки сходных по виду и назначению комнат или целых жилых секций. Автор противопоставляет их античным постройкам, приспособленным для проживания только одной семьи. Для интерьеров помещений характерно наличие в одном доме двух очагов, один из которых представлял собой глинобитную площадку с бортиком для обогрева или приготовления пищи.

Выделение однотипных секций в планировке здания было присуще и Бухарскому Согду. При этом это явление отмечено как для сельских поселений (Ак-тепе), так и для города (Пайкенд). Прямоугольное возвышение в центре помещения для обогрева также типично для застройки VI – VII вв., как в городе, так и в селе. Здания коридорно-гребенчатой планировки в Хорезме встречены только один раз (Кзыл-кала около Топрак-калы).

Слои хорезмских городов IX – XI вв. скрыты более поздними наслоениями и их структура практически неизвестна. Для этого периода предполагается основание новых городов и селений, рост некоторых старых. Однако имеющиеся материалы не позволяют сопоставить развитие городов Хорезма и Согда этого времени.

В генезисе городов этого региона выделяют две линии развития: города, возникшие на месте кушанских городов, и построенные на новом месте. Оба типа города имеют прямоугольный план и регулярную структуру. Эти признаки сближают их с согдийскими городами. Вместе с тем Б.А. Литвинский и В.С. Соловьев указали, что материалы Тохаристана не позволяют ответить на вопрос, являлась ли социально-экономическая структура раннесредневекового города закономерным развитием структуры древнего города или же отличалась от нее. Городов, возникших рядом с укрепленным поселением, превратившимся в цитадель нового города, как в Согде и Хорезме, в Тохаристане не выявлено.

В противоположность модели развития города многие строительные традиции Согда раннего средневековья, как можно полагать, берут свое начало в Бактрии-Тохаристане предшествующего времени. Так подквадратные помещения с суфами по всем сторонам, входом в углу и глинобитным подиумом в центре, типичные для городской и сельской застройки Бухарского Согда VI – VII вв., встречаются в застройке Зар-тепе кушанского времени (В.А. Завьялов), а замки коридорно-гребенчатой планировки, типичные для самаркандского Согда и Семиречья конца VII – начала VIII вв., в Тохаристане встречаются в V – VI вв.

(Кув-курган, Баба-тепе II). Возможно, что заимствования из Тохаристана в Согд, особенно западный, произошли в кушано-сасанидский период. В Пайкенде в слоях этого времени встречены столовые тагора, типичные для комплексов Тохаристана и редко встречающиеся в керамики Самаркандского Согда и Хорезма.

Для IX – X вв. в Тохаристане отмечается подъем городской жизни, но в начале XI в. большинство городов, за исключением Термеза, приходят в запустение. Сходная картина отмечена и для Согда. В то время как центр Бухара продолжает расти, такие города как Пайкенд и Варахша прекращают свое существование. Если для Тохаристана причины запустения предлагают искать в падении местной династии Мухтаджидов (Э.В. Ртвеладзе), то в Бухарском оазисе запустение городов не совпадает по времени с падением династии Саманидов и приходом Караханидов. С другой стороны, запустение в XI в. Ак-Бешима могло бы быть связано с переносом столицы из Суяба в Баласагун при Караханидах. Жизнь в Пайкенде продолжалась при первых Караханидах, по крайней мере, до второй четверти XI в. Одновременное запустение ряда городов в Согде и Тохаристане позволяет предположить сходные причины этого явления. При этом роль таких центров как Термез и Бухара продолжает сохраняться. Нумизматические материалы свидетельствуют о дальнейшем развитии товарно-денежных отношений.

Чач и Илак.

Материалы для раннего средневековья по этим регионам известны плохо. Основная причина, возможно, в отсутствии памятника, где раннесредневековые слои не были бы перекрыты позднейшими наслоениями. Материалы раскопок Канки и Ак-тепе показывают большую близость к согдийской архитектуре и говорят о сильном влиянии согдийской культуры на этот регион. Особенно показательны материалы раскопок Ак-тепе, в котором М.И. Филанович видит загородную резиденцию правителя Чача. Структура замка включает цитадель и двор с постройками, обнесенными единой стеной. План замка, где в углу двора в VII – VIII вв. появляется донжон, а у ее подножья расположен дворец, полностью соответствует структуре цитаделей согдийских городов (Пенджикент). Для жилой застройки раннего средневековья важным является открытие на Ак-тепе и на Канке квадратных помещений с суфами и очагом-площадкой в центре, известных в Бухарском Согде. Влияние согдийской культуры в этих областях подтверждается как распространением согдийской письменности, согдийскими легендами на монетах Чача, так и находками чачских монет в Согде.

Уструшана.

Перестройки раннего средневековья превратили Ходжент в крупный город, состоящий из цитадели, шахристана и пригорода, окруженных

мощными укреплениями. При сравнении с согдийскими городами вызывает сомнение предлагаемое Н. Н. Негматовым превращение восточной части старого города в VI – VIII вв. в цитадель нового города площадью 8 га и возникновение внутреннего дворцового арка новой цитадели на месте прежней. Скорее всего, что выгороженная площадь в 8 га является раннесредневековым шахристаном, занимающим часть античного города. На протяжении раннего средневековья город вырастает до 20 га, заняв всю площадь древнего города. Аналогичный процесс отмечен для Афрасиаба, который в начале раннего средневековья занимал площадь внутри построенной в это время второй стены, а к VII в. его площадь вновь вырастает до размеров античного города. В этом случае картина территориального роста Ходжента полностью соответствует динамике развития согдийских городов.

Кува.

Шахристан площадью 12 га с цитаделью. Нижние слои относятся к древности, но крепостными стенами город был окружен в V – VII вв. Цитадель площадью 2,7 га первоначально была меньше, возможно там находилось древнейшее поселение. Ни одно здание там не раскопано. Шахристан имел регулярную квартальную планировку, открыты отрезки улицы XI – XII вв. с воротами и часть квартала, сохраняющего преемственность планировки с VII по IX в. Открыто помещение с суфами и центральным очагом уже описанного типа. В рабаде раскопан буддийский храм VII – VIII вв. Слои саманидского времени слабо представлены на всей территории шахристана. При сопоставлении данных Кувы с согдийскими городами совпадают предполагаемая модель развития из поселения на месте цитадели и общие черты планировки жилых помещений. Имеющиеся материалы не вносят существенных дополнений к данным по письменным источникам о запустении цитадели и шахристана в X в.

Заключение.

В заключении подводятся анализа проблем, поставленных во введении. Археологические материалы позволяют выдвинуть несколько моделей развития согдийского города раннего средневековья. Одна из них состоит в постройке прямоугольного в плане шахристана рядом с небольшим укрепленным селением, превратившимся в цитадель нового города (Пайкенд, Пенджикент, возможно, Бухара). Вторая состоит в обживании части древнего города, частично используя уже сложившуюся структуру (Афрасиаб). Наконец, существуют города, где цитадель и шахристан возникают одновременно (Ак-Бешим). При этом важную роль играли такие факторы, как сеть древних дорог, наличие святилища и резиденции правителя, наличие базаров.

Основные различия городов разных областей представлены в таблице.

Западный Согд	Центральный Согд	Семиречье
Города на расстоянии одного перехода	Города на расстоянии одного перехода	18 городищ на расстоянии 10–14 км
Пайкенд расположен за длинной стеной без сельских поселений и пашен	Усадьбы вокруг Пенджикента и поселения с замками в округе	Длинные стены вокруг основных городов, усадьбы внутри стен
Квартальная застройка Бухары 130–140х45–50 (по реконструкции Большакова) Квартальная застройка Пайкенда 84х22–25	Квартальная застройка Пенджикента, сложившаяся окончательно только к VII в. квартал 26,9х53,8м (по Гуревичу)	Квартальная застройка Кок-Мардана и Куйруктобе. Размеры кварталов, по Байпакову, 300–370 м ² 17х18 м

В Самаркандском Согде V – VI вв. отмечается сходство городских укреплений и замковой архитектуры этой области. В VII – VIII в. здесь жилища богатых горожан отличаются от сельской застройки и близки жилищам сельских землевладельцев. В Пенджикенте за последние 40 лет его существования (40 – 70 гг. VIII в.) отмечена тенденция сокращения числа домов знати и постепенное уменьшение парадной части. В Пайкенде этот процесс начался еще в конце VII в. Можно предположить, что он шел параллельно с выделением одиночной семьи из состава патронимии. Для Пайкенда в противоположность Пенджикенту, отмечается близость планировки рядовых жилищ города и села. Похожими на бухарские были городские дома в Чаче, Фергане, Южном Казахстане – областях согдийской колонизации. На периферии характер городского жилища сохраняется более длительное время. При этом дворцовая архитектура всех областей остается сходной.

Концепция о запустении цитаделей в IX – X вв. была основана на сообщениях средневековых авторов о четырех среднеазиатских городах: Кеша, Несефа, Исфиджаба и Кувы. Однако этот процесс не носил всеобщего характера. Имеющиеся материалы по таким важным городским центрам, как Пайкенд и Ак-Бешим противоречат такому обобщению. Новых городов в это время не строилось, а сплошная застройка шахристанов не подтверждает гипотезу о переносе центра городской жизни в рабады. Новый этап в жизни города наступает в XI в. Пришедшая к власти кочевая династия Караханидов нарушила сложившуюся в течение веков структуру нескольких городов-резиденций в одном оазисе. Происходит концентрация населения в столице. Пайкенд и Варахша приходят в запустение, в то же время вырастает территория центра оазиса – Бухары. Забрасывается Ак-Бешим, но расцветает находящаяся рядом столица Караханидов Бурана.

К защите представляются следующие публикации:

Монографии

1. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988, 197 с. (в соавт. с А.Р. Мухамеджановым, Ш.Т.Адыловым, Д.К.Мирзаахмедовым).

2. Согдийская фортификация V – VIII вв. СПб, 1996, 223с.

3. Studien zur sogdischen Kultur an der Seidenstraße (Studies in oriental Religions 36). Wiesbaden, 1996, 150 S.

4. Раскопки в Пайкенде в 1999г. (в соавт. с Д. К. Мирзаахмедовым). СПб, 2000, 89 стр. +176 илл.

5. Раскопки в Пайкенде в 2000 г.(в соавт. с Д.К. Мирзаахмедовым и др.). СПб, 2001 г.105 стр.+ 190 ил.

Статьи

6. Оборонительные стены Пенджикента в V – VIII вв. // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (тез. докл. конф.). Душанбе, 1977, с. 57 – 59.

7. Рец. на: А.Исаков. Цитадель древнего Пенджикента //СА, 1980, №2, с.264 – 269 (в соавт. с В.Г.Шкодой).

8. Согдийская замковая архитектура // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии с окружающим миром в древности и средневековье (тез. докл. конф.). М., 1981, с.139 – 140.

9. Городские стены Пенджикента и история Согда V – VIII вв.//СА, 1983, №3, с. 47 – 59.

10. Согдийская фортификация и греческая полиоркетика// Древние культуры Евразии и античная цивилизация (тез. докл. конф.) Л., 1983, с.18 – 19.

11. К вопросу о сложении внешней линии обороны цитадели Пенджикента // Первая конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана (тез. докл. конф.). Душанбе, 1984, с. 65 – 67.

12. Исследование городских стен Пайкенда// ИМКУ, вып. 19. Ташкент, 1984, с.130 – 152 (в соавт. с А.Р.Мухамеджановым).

13. Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник. Автореф. канд. дисс. Л., 1985, 24с.

14. Раскопки внешней линии обороны цитадели Пенджикента // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1986, с.87 – 100.

15. Город и замок в раннесредневековом Согде // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990, с. 58 – 66

16. Жилая архитектура Бухары // Генезис и пути развития урбанизационных процессов в Средней Азии (тез. докл. конф.). Самарканд, 1995, с.99 – 100.

17. Согдийский город в раннем средневековье: формирование плана // Итоги археологических экспедиций Л., 1989, с. 128 – 140.
18. La pharmacie de Paikend // La médecine au temps des califes. Paris, 1996, p.90 – 91 (в соавт. с Д.Мирзаахмедовым).
19. Роль «центральной улицы» в формировании согдийского города // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995, с. 280 – 285.
20. Excavations at Paikend // The Art and Archaeology of Ancient Persia. London, 1998, p.111 – 121.
21. Святилище в Пайкенде // Эрмитажные чтения памяти В.Г.Луконина (1986 – 1994). СПб., 1995, с.171 – 178.
22. Работы Бухарской экспедиции в 1993 г. // Отчетная археологическая сессия (май 1993). СПб, 1993, с. 17 – 19 (в соавт. с И.К.Малкиелем).
23. Раскопки в Пайкенде в 1994г. // Отчетная археологическая сессия. СПб, 1994, с. (в соавт. с И. Малкиелем).
24. Раскопки в Пайкенде в 1995 г. // Отчетная археологическая сессия (май 1996). СПб, 1996, с.25 – 28 (в соавт. с И.К.Малкиелем и С.Н.Макеевым).
25. Раскопки в Ак-Бешиме в 1996 г. // Отчетная археологическая сессия за 1996 г. СПб, 1997, с.48 – 51 (в соавт. с К.И.Ташбаевой).
26. Раскопки в Пайкенде в 1996 г. // Отчетная археологическая сессия за 1996 г. СПб, 1997, с. 43 – 48 (в соавт. с И.К.Малкиелем).
27. Раскопки Ак-Бешима в 1997 г. // Отчетная археологическая сессия за 1997г. СПб, 1998, с. 29 – 31. (в соавт. с К.И. Ташбаевой, И.К. Малкиелем, Л.М.Ведутовой).
28. Раскопки на городище Пайкенд в 1997 г. // Отчетная археологическая сессия за 1997 г. СПб., 1998, с.26 – 28.
29. Раскопки в Пайкенде в 1998 г. // Отчетная археологическая сессия за 1998 г. СПб., 1999, с.33.
30. Раскопки в Суябе в 1998 г. // Отчетная археологическая сессия за 1998 г. СПб., 1999, с.30 – 33 (в соавт. с К.И. Ташбаевой, Л. М. Ведутовой, Т.И.Зеймаль).
31. Структура согдийского города раннего средневековья // ОНУз, 1998, 4 – 5, с.30 – 37.
32. Новая китайская надпись VII в. из Киргизии (городище Ак-Бешим) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. СПб, 1998, с.48– 51 (в соавт. с Е.И.Лубо-Лесниченко).
33. Монастырское вино Семиречья // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. СПб., 1999, с.70 – 74.
34. Новая несторианская церковь в Ак-Бешиме // Византия и христианский Восток. Чтения памяти А.В.Банк. СПб, 1999, с. 51 – 54.

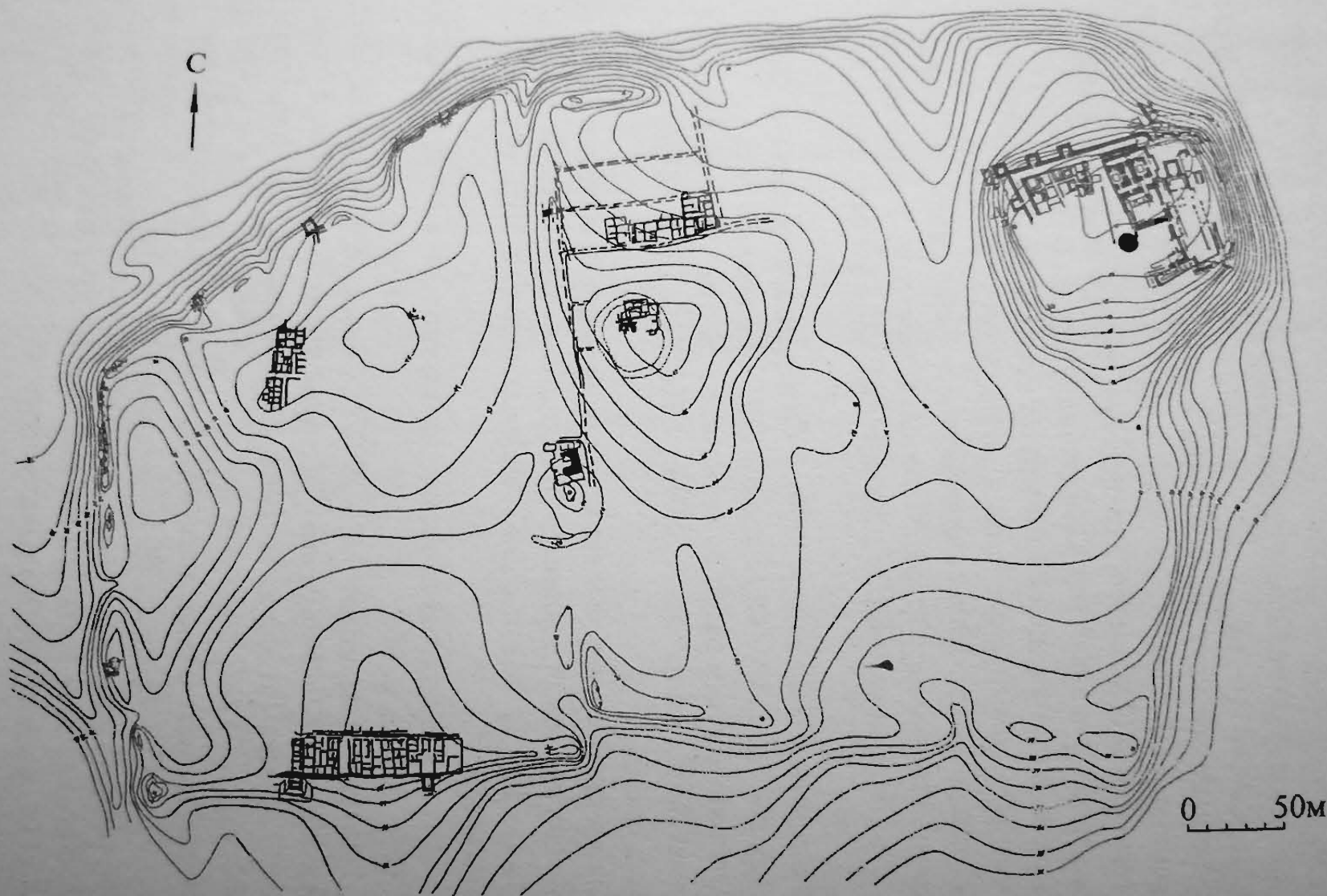
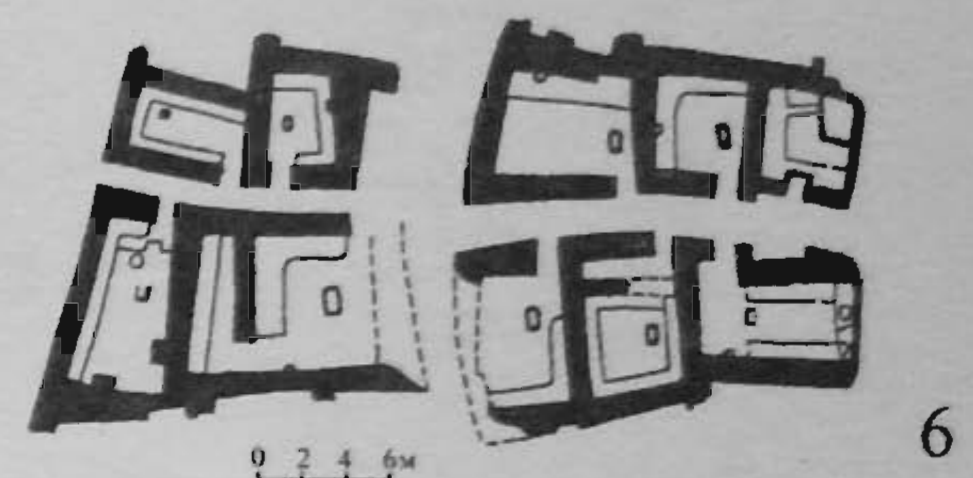
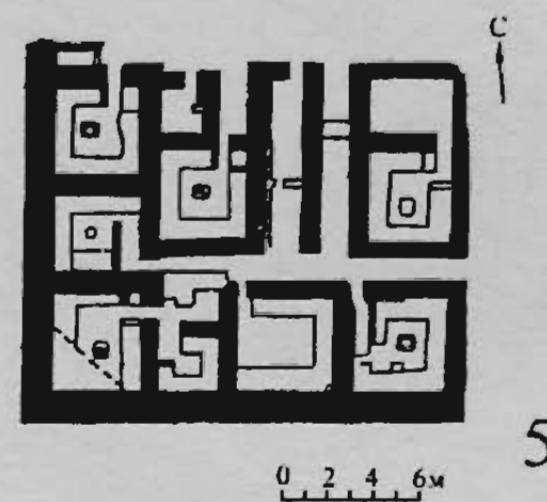
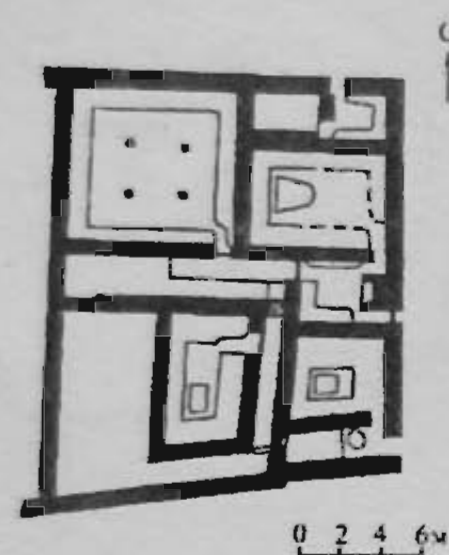
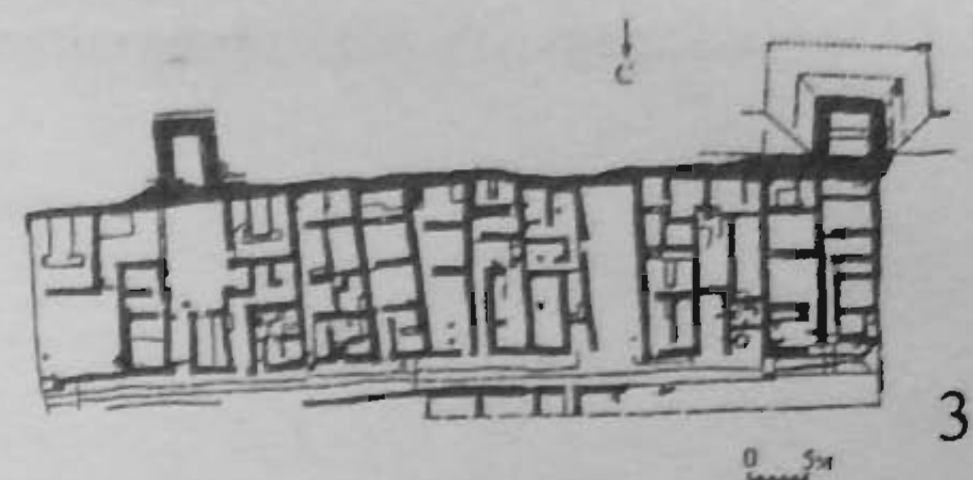
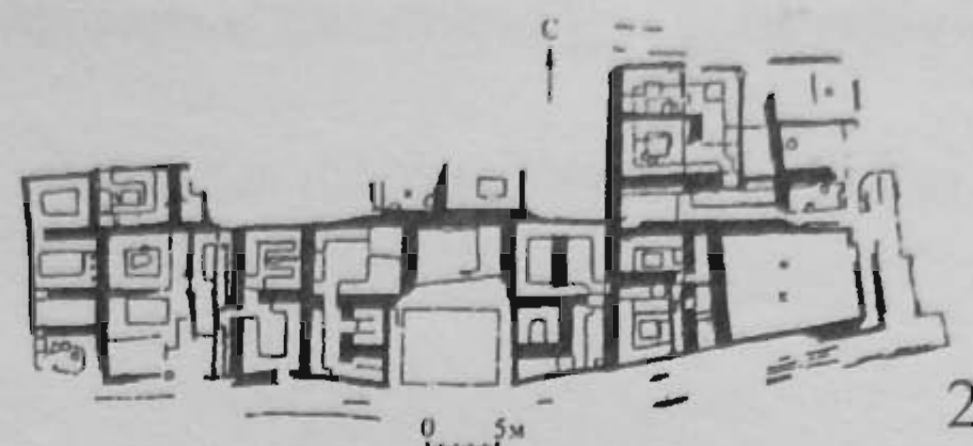
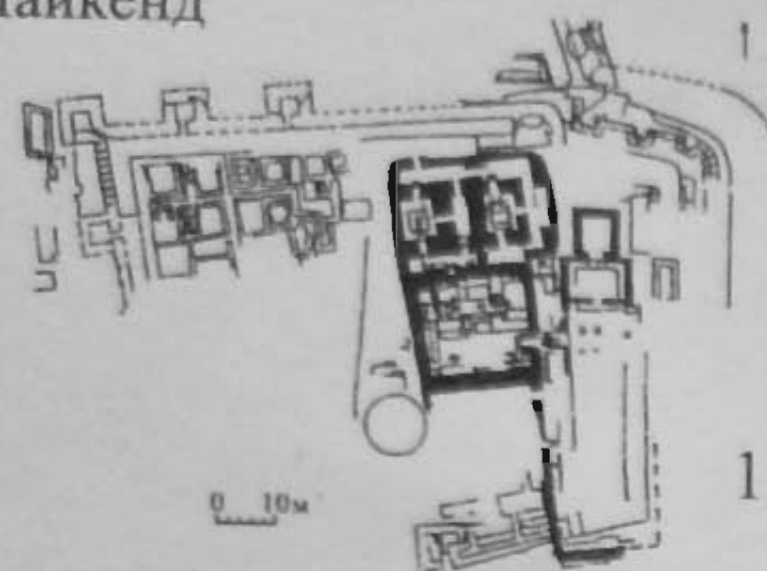

Рис. 1. Пайкенд. План городища

Пайкенд

Ак-Бешим

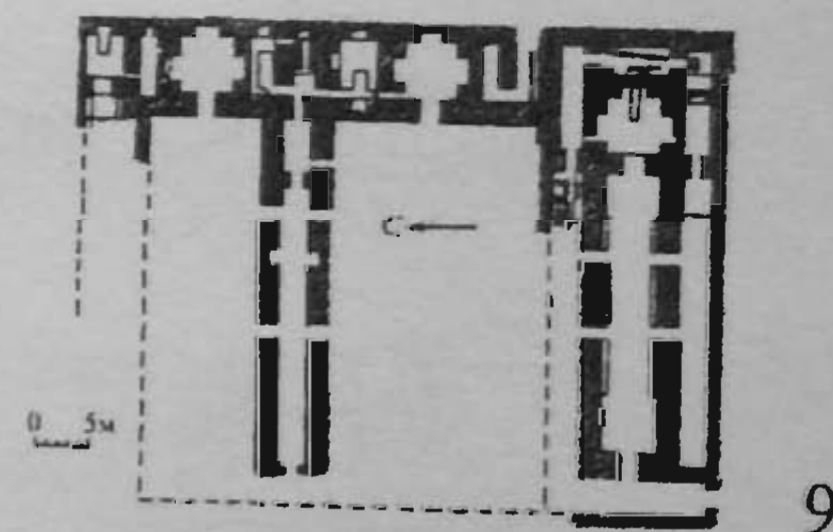
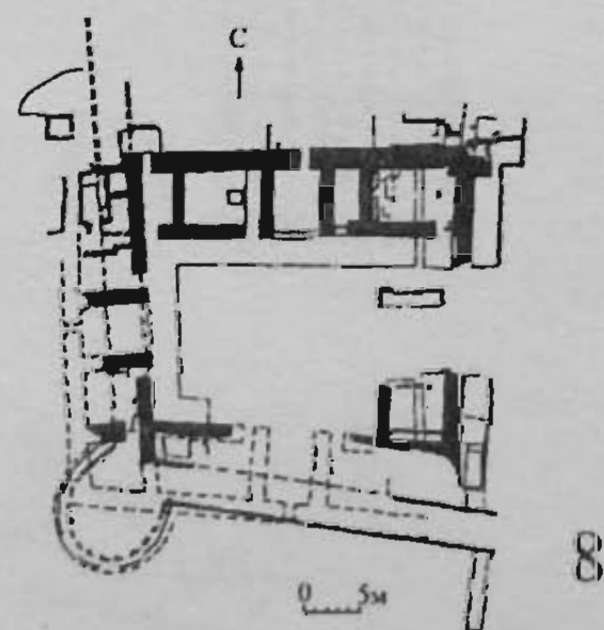
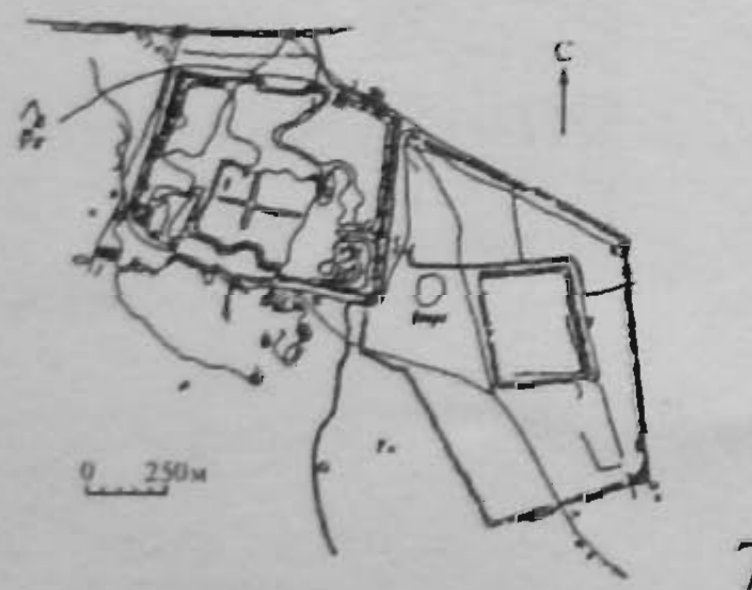
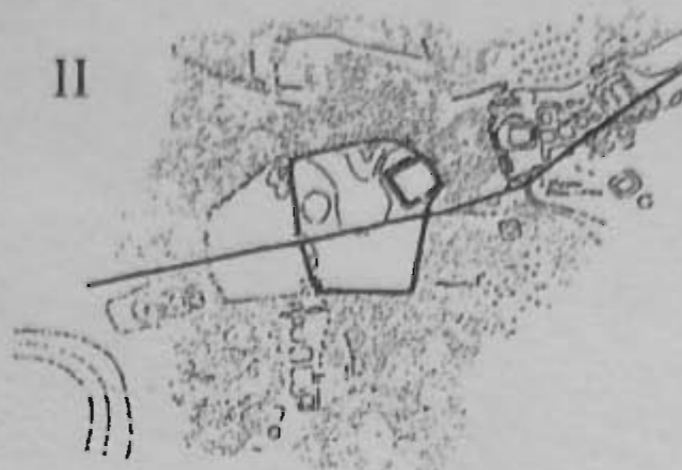

Рис. 2. 1 – цитадель, 2 – жилой квартал шахристан I, 3 – жилой квартал шахристан II, 4 – Пайкенд. Жилой дом VII–VIII вв., 5 – АК-тепе. План поселения, 6 – Кок-мардан. Планы домов, 7 – план городища, 8 – план цитадели, 9 – церковь.

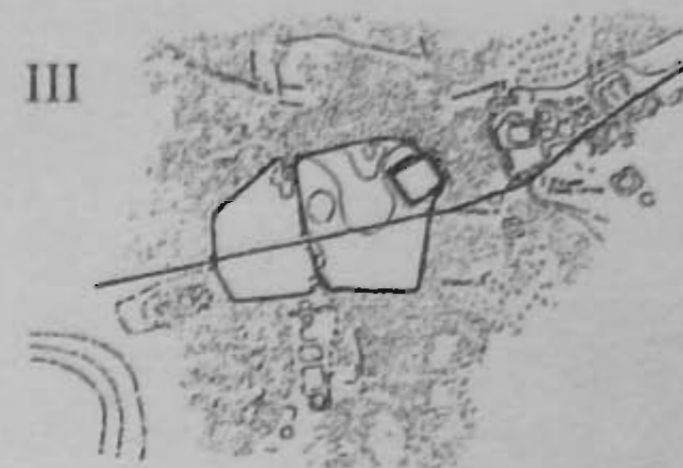
Пайкенд

II

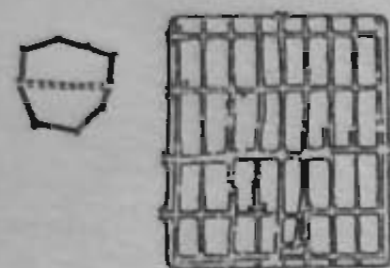

III

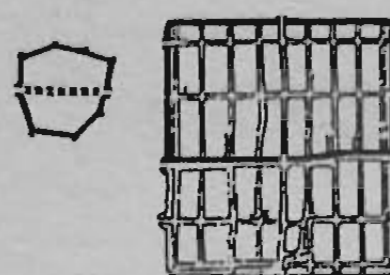

Бухара

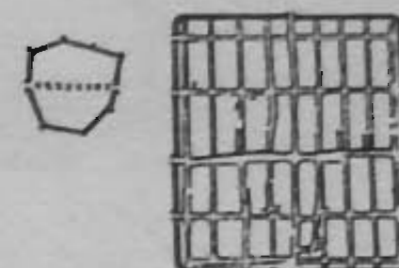
I

II

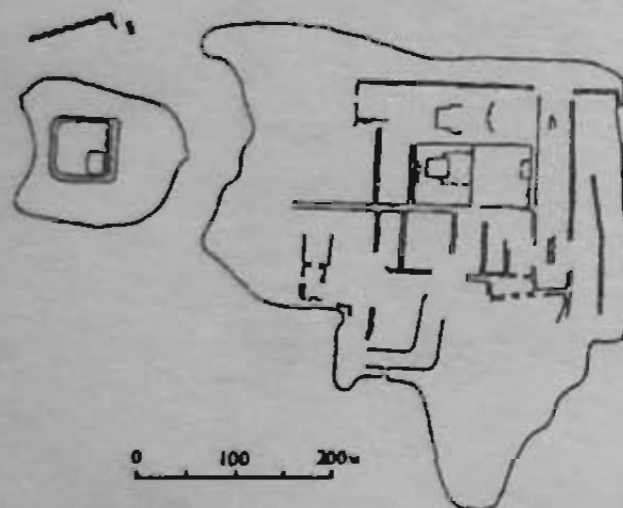

III

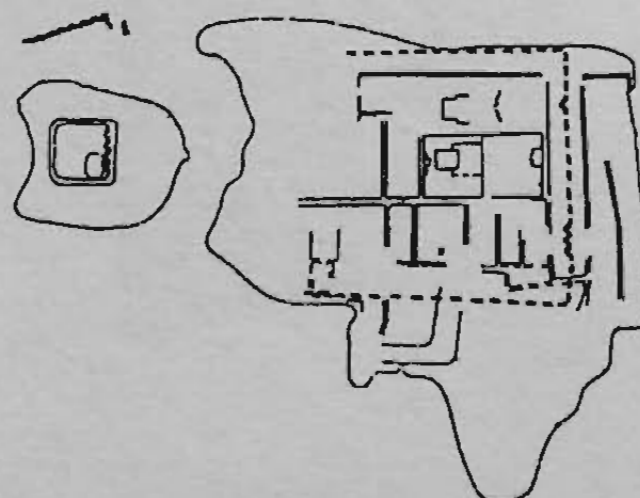

Пенджикент

I

II

III

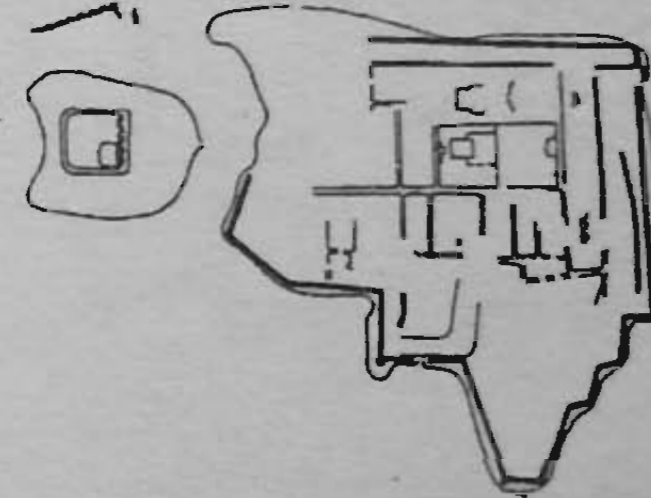

Рис. 3. Этапы территориального роста городов.

I – раннее поселение на месте будущей цитадели. II – образование города (шахристан I) с цитаделью.
III – расширение города (шахристан II).